

Андрей
Красников

ФЕДЕРАЦИЯ
МЕНЬШЕЕ ЗЛО

Андрей Андреевич Красников

Федерация. Меньшее зло

Серия «Федерация», книга 5

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64366687
Москва;*

Аннотация

Издательство «МедиаКнига» представляет пятую книгу популярной серии «Федерация» известного российского писателя Андрея Красникова – «Меньшее зло»

Жизнь за пределами Федерации полна трудностей. Колониальную Сферу сотрясают внутренние проблемы, звездные системы одна за другой становятся разменной монетой в противостоянии растущих империй, набирающий мощь Альянс пытается диктовать свою волю соседям... но это лишь одна сторона монеты.

Два государства, ютящиеся на крошечном материке посреди океана, растянувшаяся на долгие годы война, человеческие жизни, тысячами сгорающие в огне ядерных взрывов... трагедия, скрытая от любопытных глаз равнодушной пустотой – вот истинный лик обретенной свободы.

Читаем, лайкаем, активно комментируем! (16+)

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	30
Глава 3	53
Глава 4	73
Глава 5	90
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Андрей Красников

Федерация. Меньшее зло

© & ® ООО «МедиаКнига», 2021

Глава 1

Краешек солнца выглянул из-за горизонта, осветив неприглядную каменистую равнину и разбросав по ней длинные черные тени. Горящие в небе звезды стали тускнеть, превращаясь в едва заметные серебристые точки. Легкий ветерок, еще совсем недавно нашептывавший свою немудреную песню, окончательно стих.

Впереди показалась дорога – неухоженная, кое-где испещренная трещинами, но все еще ровная и пригодная для использования. Чуть дальше, в нескольких сотнях метров от нас, из утренней дымки начали проступать силуэты частично разрушенных зданий.

– Внимание, – лейтенант остановился и поднял вверх сжатый кулак. – Второй ордер.

Группа трансформировалась. Темные фигуры бесшумно рассредоточились по местности, дождались новой отмашки, а затем возобновили движение, медленно смещаясь к давным-давно оставленной людьми деревне.

На моем пути возник покореженный и облупившийся дорожный знак. Я аккуратно обошел его, скользнул взглядом по оконным проемам ближайшего дома и поднял винтовку, чувствуя какую-то иррациональную тревогу.

Каждый наш рейд априори связан с риском для жизни. Но здесь, в двадцати пяти километрах от родных казарм, почти

всегда спокойно. Почти всегда...

– Лейтенант.

Державшийся чуть в стороне офицер едва заметно вздрогнул и остановился.

– Локи?

– Нужно проверить активность. Сейчас.

Мне показалось, что командир вздохнул с облегчением – возможно, его точно так же беспокоила гнетущая неопределенность и ворочающийся в глубинах души страх.

Или у меня попросту слишком сильно разыгралось воображение.

– Занять позиции.

Я опустился на землю, спрятавшись за небольшим угловатым камнем. Водрузил на него винтовку, прицелился в темные развалины, после чего замер, уподобившись еще одному булыжнику.

Выждав несколько секунд, лейтенант достал из разгрузки портативный сканер и принялся изучать окрестности. Минуту, вторую, третью...

– Все чисто, – в его голосе прозвучал едва уловимый укор. – Вперед.

Интуиция буквально кричала о том, что мы совершаем непоправимую ошибку. Но откуда взялась эта уверенность?

Не обращая внимания на товарищей, я обернулся и начал рассматривать только что пройденную дорогу. Хорошо знакомый бетон, ничем не примечательные камни, проржавев-

ший указатель...

Из-за спины донесся тихий хлопок, а затем быстро удаляющийся свист. И все наконец-то встало на свои места.

– В укрытие, – нервно выкрикнул лейтенант. – Занять позиции!

Маленькая сигнальная ракета в мгновение ока преодолела две сотни метров, после чего рассыпалась огненными брызгами – одна из стоявших рядом с нашей базой турелей засекла неопознанный объект и уничтожила его в автоматическом режиме.

Впрочем, это уже мало что могло изменить.

– Локи!

– Сержант!

Я не ответил, продолжая собирать в единую картину обрывки воспоминаний.

Чтобы засечь взлетевшую над равниной сигналку, достаточно одного краткого мгновения. Следующие несколько секунд расположенные за горизонтом орудия будут переваривать полученные координаты и сонно двигаться, наводясь на цель. Затем из длинных черных труб выплеснутся фонтаны пламени, по окрестностям разойдется ударная волна, все вокруг затянет противным едким дымом... а еще через минуту снаряды достигнут точки назначения.

– Минута, – шепнул я, сбрасывая со спины рюкзак. – Минута...

За оставшееся до удара время можно было пробежать не

меньше трехсот метров. Четыреста – если выкинуть запасы провизии. Почти пятьсот – если добавить к этому лишние боеприпасы.

Лейтенант опять закричал, требуя немедленно занять позиции, рассредоточиться и скрыться на местности, но его приказы звучали уже за пределами моего восприятия. Сейчас от каждого из нас требовалось только одно – бежать. Бежать как можно дальше от места, с которого взлетела ракета. Вот только куда именно?

Рядом возник Скотт – недавно перешедший в разведку солдат, по странной прихоти командования оказавшийся в нашей группе. Новичок окинул шальным взглядом брошенные на дорогу вещи, а затем отчаянно выругался и начал снимать собственный рюкзак.

Я машинально кивнул, продолжая копаться в обрывках воспоминаний. Бетон, камни, поцарапанный знак...

Последний кусок мозаики наконец-то лег на отведенное ему место.

– За мной!

Дорога, лейтенант и развалины деревни остались где-то очень далеко, в абсолютно иной реальности. На первый план вышли совсем другие вещи – наливающаяся неподъемной тяжестью винтовка, проносящаяся под ногами земля, разрывающиеся от нехватки воздуха легкие...

Отпущенные нам мгновения быстро подходили к концу, однако исправить ситуацию было невозможно. Мне оста-

валось лишь перепрыгивать через редкие камни, слушать хриплое дыхание бегущего рядом Скотта и всеми силами удерживать равновесие. Еще десять секунд, еще пятьдесят метров...

Склоны маячивших впереди холмов полыхнули багрянцем, а вокруг нас разлился неправдоподобно яркий свет. Понимая, что это значит, я прыгнул в сторону, упал за маленький каменный выступ и накрыл голову руками. Неподалеку раздался тихий возглас, сменившийся глухим металлическим лязгом – новичок, хоть и с опозданием, но все же последовал моему примеру.

Земля вздрогнула. Пришла звуковая волна. Тягучий переливающийся грохот заполнил пространство, отдался неприятной болью в зубах, после чего улетел куда-то вдаль и окончательно затих.

Вокруг начали падать мелкие камешки. Подул легкий, но очень настойчивый ветерок.

– Нужно вернуться, – прошептал оказавшийся рядом со мной напарник. – Нужно вытащить остальных.

Я смерил его удивленным взглядом и покачал головой:

– Нельзя. Сейчас будет второй удар.

– Но...

– Те, кто попал под плазму, уже мертвы. Те, кто придут к ним на помощь, умрут следующими.

Последовало непродолжительное молчание. Затем Скотт глубоко вздохнул и выпрямился во весь рост, демонстратив-

но сжимая в руках винтовку:

– Все равно.

Наверное, он ждал от меня каких-то резких слов или даже прямого запрета на необдуманные действия. Возможно, хотел обрести новые аргументы для того, чтобы вернуться назад или остаться на месте. Но я лишь поднялся, отряхнул одежду и шагнул по направлению к далеким сопкам.

– Подождите! Сержант!

– Что?

– Так же нельзя. Это ведь наши. Лейтенант, остальные. Мы должны им помочь.

Расслышав в его голосе нотки зарождающейся истерики, я остановился возле первого попавшегося валуна, прислонил к нему винтовку, а затем устроился на шершавой ребристой поверхности и глянул туда, где еще совсем недавно возвышались дома.

От поселка не осталось ровным счетом ничего. Передо мной были только завалы из дымящихся кирпичей, разбросанные пластиковые панели и всевозможный мусор – частично сгоревший, а частично продолжавший гореть.

Куда-то вдаль тянулся длинный шлейф неприятного полупрозрачного дыма.

– Скотт, значит?

– Так точно. Рядовой Генри Скотт. Сержант, я...

– Слушай меня очень внимательно, Генри. Через несколько минут они повторят удар. Время следующего залпа все-

гда рассчитывается так, чтобы выжившие успели вернуться к своим товарищам, но не успели их вынести. Именно поэтому идти обратно нельзя. Более того, у нас есть четкое задание. Мы должны...

Над дымящимися развалинами что-то блеснуло, а мгновение спустя деревушку и прилегающую к ней местность опять залило огнем. Жидкое пламя неудержимой волной раскатилось во все стороны, взвихрилось, поднялось к небу ярко-оранжевыми брызгами, а затем бесследно исчезло, оставив после себя только обугленную до черноты землю.

По барабанным перепонкам ударила звуковая волна – на этот раз более мягкая и вкрадчивая, но все равно неприятная.

– Ну вот, – кивнул я, сплевывая угодивший в рот комочек грязи и поднимая винтовку. – Теперь делай что хочешь.

Скотт догнал меня через пятнадцать минут. Догнал, замедлил шаг, после чего добрых полчаса шел рядом, не говоря ни слова. И лишь когда мы свернули к едва заметному среди окружающих скал оврагу, все-таки решил нарушить молчание:

– Останемся на привал?

– Да.

– Кто дежурит первым?

– Никто. Выспись как следует.

Больше не обращая внимания на спутника, я достал из разгрузки свернутый в крохотный цилиндр термоплащ, заку-

тался в него и постарался как можно удобнее расположиться среди камней. Сунул под голову фляжку, прикрыл глаза...

– От часового будет больше вреда, чем пользы, – неожиданно произнес Генри. – Его могут обнаружить и он хуже восстановит силы. А если кто-то на нас выйдет, то часовой все равно ничем не поможет, верно?

– Да.

– Нас учили по-другому.

– Я знаю. Не мешай спать.

Скотт замолк, но смог продержаться лишь минуту – пережитый шок и накопившиеся эмоции требовали компенсации. Хотя бы за счет разговора.

– Мне сказали, что я должен делать все, как вы. Тогда выживу.

– Хорошо. Спи.

– Еще мне сказали, что вокруг вас гибнут люди. Каждый раз.

– Обсудим это вечером.

На этот раз мне удалось-таки заснуть. А когда я снова открыл глаза, вокруг уже сгустились сумерки.

– Происшествий на было, – ровным голосом доложил сидевший у противоположного склона оврага напарник. – Дождь только собирается.

– Хорошо.

Дождь – главный друг разведчика. Дождь заглушает звуки шагов, маскирует инфракрасное излучение, защищает от

снайперов и автоматических систем. Отправляться в дальний рейд без его поддержки – самоубийство.

К счастью, дожди на нашей планете идут очень часто.

– Выйдем, когда стемнеет?

– Да.

Наступило тягостное молчание. Проснувшийся раньше меня Скотт явно хотел о чем-нибудь поговорить, но сдерживался. Мне же общаться не хотелось. Абсолютно.

– Скажите, вы когда-нибудь видели самолет? Или флаер?

– Что? – я удивленно глянул на спутника и взялся за фляжку. – При чем здесь флаеры?

– Ни при чем. Извините.

Ко мне совершенно внезапно пришло осознание того, что рядом находится обычный двадцатилетний мальчишка. Закончивший специальные курсы, умеющий стрелять и драться, но по своей сути так и оставшийся ребенком. Ребенком, мечтающим когда-нибудь посмотреть на настоящий самолет.

– Да, я видел самолеты. Но сам никогда не летал.

Скотт кивнул и промолчал.

Откуда-то издалека донеслись первые раскаты грома. Мне на руку упала тяжелая капля.

– Сегодня нужно дойти до Афин. Это тридцать километров.

– Я знаю. Там все еще радиация?

– Мы пройдем по окраинам.

– Ясно.

Меня всегда интересовал вопрос – почему самые первые колонисты решили назвать свои города в честь оставшихся на Земле столиц. Нехватка воображения, ностальгия или какой-нибудь хитрый план, призванный укрепить связи между планетами? Если учесть, во что превратилось наше существование за последние два столетия, то этот план явно провалился.

– Выдвигаемся через полчаса.

– Ясно.

Дождь, поначалу робкий и незаметный, быстро набрал мощь. В несущихся по небу тучах стали одна за другой вспыхивать длинные ленты молний. Все вокруг заполнил шелест разбивающихся о землю капель.

Ориентироваться в такую погоду достаточно сложно. Когда-то летавшие над планетой спутники давно уничтожены, использовать электронные устройства слишком опасно, так что приходится рассчитывать лишь на собственное знание местности и самый обычный компас.

Впрочем, к этим неудобствам я уже привык.

– Вперед.

Барабанивший по капюшону ливень и хлопающая под ногами грязь не способствуют излишней болтливости. Ты часами идешь сквозь потоки воды, пытаешься сохранить равновесие на скользких камнях, время от времени проверяешь курс – и незаметно втягиваешься в этот монотонный ритм, отрешаясь от всего происходящего. Из глубин разу-

ма всплывают давно забытые лица и события, окружающая действительность тускнеет, отдаляется, приобретает иллюзорность...

– Вижу деревья. Обойдем?

Тихий голос напарника вернул меня к реальности. Я остановился, сверился с компасом, а затем уставился в темноту, ожидая новой вспышки молнии.

– Сержант?

– Тихо...

В небесах сверкнул очередной разряд, давший мне возможность рассмотреть обнаруженный Скоттом лес.

Темная колышущаяся полоска находилась в нескольких километрах от нас и выглядела совершенно инородным пятном среди мрачного каменного царства – хотя заселившие планету колонисты десятилетиями боролись с местной природой, заставляя ее принять земную растительность, результаты оказались не слишком-то впечатляющими.

Впрочем, вырастить на безжизненных скалах настоящие деревья – тоже подвиг.

– Пройдем насквозь. Там нет ничего опасного.

– Ясно.

По мере приближения к деревьям закрепленный на моем запястье браслет начал едва заметно светиться, сигнализируя о возросшем радиационном фоне. Я оставил это без внимания, но Генри, посмотрев на свой собственный индикатор, заметно встревожился:

– Излучение?

– Слабое. Взрыв был в километре отсюда.

Вряд ли эти слова как-то успокоили напарника, но возражать против выбранного маршрута он не стал и продолжил путь, молчаливой тенью двигаясь рядом со мной.

Камни и грязь незаметно сменились упругой подстилкой из перегнивших листьев. Появились небольшие островки травы. А затем мы пересекли опушку и вокруг сомкнулись настоящие заросли – мокрые и темные.

– Мне нужно что-нибудь знать об этом месте?

Я глянул на Скотта, после чего одобрительно кивнул – парень окончательно взял себя в руки, перестал идти на поводу у эмоций и начал вспоминать то, чему его учили на подготовительных курсах.

Информация – прежде всего.

– Греческий лес – одно из самых безопасных мест на Полосе. Здесь нет устоявшихся путей, так что закладывать мины не имеет особого смысла. Деревья маскируют тепло и звуки, а также мешают визуальному наблюдению. В результате встретиться здесь с кем-то можно лишь случайно. Главная опасность – выход на открытое пространство. На другой стороне хватает удобных позиций для снайперов.

– Понял. Радиацию не учитывать?

– Нет.

Как назло, дождь закончился именно в тот момент, когда мы подошли к противоположному краю чащи. Я остановил-

ся рядом с кряжистым дубом, кинул взгляд на быстро светлеющее небо и развернулся:

– Отдыхаем здесь.

Возражений не последовало – напарник не хуже меня понимал, что лучше провести несколько часов в холоде и сырости, чем угодить на тот свет. Мы отошли на сотню метров вглубь зарослей, съели по энергетическому батончику, а затем начали готовиться к дневке.

Я ждал новой серии вопросов – и дождался. Оставшись без дела, Генри какое-то время ворочался и старался расположиться поудобнее, но в конце концов все-таки не выдержал:

– Скажите, вы ходите здесь с самого начала войны?

– Почти.

– А как все начиналось?

– У меня амнезия. Помню только госпиталь, какую-то рыжую медсестру и капельницу.

– А дальше?

– А дальше мне было нечего есть. И я отправился в армию.

Скотт чуть-чуть помолчал, но спустя несколько секунд вздохнул и признался:

– В нашей семье тоже с едой плохо. Работы нигде нет, переехать нельзя...

– Хватит. Нам нужно выспаться.

Ответ получился излишне грубым, однако прямо сейчас у меня не было никакого желания копаться в прошлом или

ворошить настоящее. Тем более, что впереди оставалась самая неприятная часть пути – зона, находящаяся под условным контролем противника.

– Извини. Я не люблю пустые разговоры.

– Так точно, сержант.

Ближе к вечеру снова пошел дождь – мелкий и нудный. Вода мало-помалу просочилась сквозь неплотно запахнутый плащ, намочила куртку, добралась до тела, заставила меня открыть глаза...

– Происшествий не было.

Я кивнул, прислонился к стволу возвышавшегося рядом дерева и уставился на свои ботинки.

Левая нога чувствовала отвратительную сырость.

– Вот дерьмо.

Как правило, третий день похода – самый неприятный. Именно на третий день ты начинаешь ощущать, как сильно пропотела и загрязнилась твоя одежда, именно на третий день подкрадывается первая усталость. Спустя какое-то время ты привыкаешь к этим неудобствам и возвращаешься в рабочий ритм, но во время следующего рейда тебя ждет все то же самое. Третий день, усталость, грязь...

– Нужно будет сделать сухой привал. В поселке.

– Ясно.

Мокрые ботинки – верный путь к мозолям. А потертости значительно уменьшают скорость перемещения, снижают концентрацию и внимательность. Ты начинаешь искать

более удобный путь, думаешь о том, куда лучше поставить ногу – и умираешь из-за того, что пропускаешь угрозу, которую обязан был заметить.

К счастью, высушить обувь достаточно легко. Правда, делать это под дождем не рекомендуется.

– Идем.

Добраться до расположенных в километре от лесной опушки строений удалось без каких-либо происшествий. Впрочем, я все равно побоялся лезть в уцелевшие дома и выбрал для стоянки максимально разрушенное здание, способное лишь частично закрыть нас от непогоды.

Обосновавшийся рядом Генри кинул на мои ноги задумчивый взгляд, почесал шею и уточнил:

– Это важнее нашей задачи?

– Да.

– Но спасти товарищей было не важно?

Вместо ответа я достал из каблука спрятанную там палочку, сломал ее и кинул внутрь ботинка. А затем начал тщательно протирать ступню.

– Вы о них уже забыли, верно?

– Нет.

– Но вам все равно?

Мне пришлось отложить воняющий спиртом кусочек ткани и посмотреть собеседнику в глаза:

– Ты прав. Я за свою жизнь видел столько трупов, что мне уже все равно. Что дальше?

Скотт заметно растерялся от такой искренности, но быстро пришел в себя:

– Ничего. Просто уточнил.

– Хорошо.

Весь остаток ночи я ощущал идущую со стороны напарника враждебность – он явно примерил мои слова на себя и получившаяся картина оказалась слишком далека от тех идеалов дружбы и товарищества, которые были привиты ему в учебке. Однако никаких глупостей не последовало и переход завершился благополучно.

До вражеских позиций осталось всего-навсего двадцать километров. Или даже меньше.

– Завтра общаемся только жестами, – сообщил я мрачному и недовольному спутнику. – Плащ обязателен, изолирующий гель с маской – тоже. Передвигаемся только в дождь и только ночью. Если меня убьют, разворачиваешься и идешь назад. Ясно?

– Так точно.

Ждать соответствующей погоды пришлось долго – хотя выданная нам метеосводка обещала постоянные грозы, к вечеру дождь закончился, небо прояснилось и заключительный этап пути автоматически сдвинулся на целые сутки.

Смирившись с текущим положением дел, я почистил оружие, тщательно обтерся гигиеническими салфетками, а затем лег на гнилые доски и начал рассматривать звезды, виднеющиеся сквозь дырявую крышу приютившего нас барака.

Скотт последовал моему примеру.

– Говорят, Федерация до сих пор наблюдает за планетой.

– Вряд ли. Мы уже никому не нужны.

– Я слышал, что год назад над Лондоном видели космический корабль.

– Я тоже много чего слышал...

Гражданские люди склонны излишне драматизировать нашу работу. По их мнению, разведчики либо сутками напролет перестреливаются между собой, буквально зубами выгрызая друг у друга победу в кровопролитных сражениях, либо жуткими призраками гуляют по тылам неприятеля, взрывая там все, что только возможно и сея вокруг себя ужас. Но на практике мы лишь ходим через Полосу, размещаем цели для артиллерийских ударов и ставим минные заграждения для точно таких же солдат, приходящих с другой стороны.

Разумеется, неожиданные бои случаются. Но главные наши занятия – это монотонная ходьба под дождем и бесконечное ожидание. Такое, как сейчас.

– А когда...

– Генри, учись сохранять молчание. Пригодится.

Звезды начали едва заметно мерцать, сигнализируя о повысившейся облачности, но каких-либо еще изменений не случилось – все вокруг по-прежнему было наполнено тишиной и спокойствием.

Я вспомнил недавние слова напарника и едва заметно

усмехнулся. За последние годы в нашем обществе родилось множество самых разных мифов, однако связанные с Земной Федерацией являлись наиболее живучими – люди упорно верили в то, что отрекшееся от нашей планеты государство внезапно образумится, придет на помощь и положит конец войне. Глупые мечты наивных обывателей...

Ближе к рассвету дождь все-таки начался. К сожалению, выходить на маршрут было уже поздно, так что мы перебрались в более-менее сухой угол и снова закутались в плащи, уподобившись двум лежащим в морге покойникам. Неприятное сравнение, но весьма точное.

Шелест капель ублаживал. Спустя какое-то время я погрузился в дремоту, а затем и вовсе окунулся в тяжелый сон, переполненный странными образами и звуками.

– Сержант.

Пробуждение оказалось неприятным – ноги замерзли, подвернутая рука затекла, а в горле чувствовалось едва заметное першение. Еще тревожнее выглядели действия Скотта – он прижимался к стене, держал в руках винтовку и напряженно смотрел куда-то вдаль.

– Только что засек группу, – тихо шепнул напарник. – Пять человек. Ушли к востоку.

Я осторожно встал на ноги, а затем выглянул в окно.

Серый и промозглый день близился к завершению. Рядом с соседними зданиями поблескивали широкие лужи. Из плотных темно-синих туч сыпался ленивый дождь. Вдалеке

просматривались контуры наполовину разрушенного заводского комплекса. Одинокое чахлое дерево грустно раскачивалось в такт слабым порывам ветра.

И никаких признаков жизни.

– Мы пойдем за ними?

– У нас есть задача, – ответил я, возвращаясь на свое место. – Ждем.

– Мы ведь должны...

– Мы должны провести разведку. Не больше и не меньше.

– Так точно.

В голосе спутника прозвучало вполне понятное сожаление – после трехдневного перехода и томительного ожидания даже бой с превосходящими силами противника иногда выглядит достаточно заманчиво, чтобы наделать глупостей. Но перед нами действительно стояла задача, которую требовалось выполнить.

Наверное, расскажи кто-нибудь основателям колонии, что спустя всего двести лет их потомки скатятся чуть ли не до каменного века, они бы рассмеялись такому шутнику в лицо. Но случилось то, что случилось – в эпоху космических технологий, думающих роботов и многофункциональных спутников мы вынуждены сутками ползать по грязи ради того, чтобы командование получило хоть какую-нибудь оперативную информацию.

– Нам говорили, что в таких обстоятельствах следует двигаться по маршруту вражеской группы, – заметил Генри. –

Шанс встретить кого-нибудь еще снижается.

– Про мины твои учителя явно забыли.

Собеседник задумался, потом тихо выругался и кивнул:

– Принял.

– Выйдем через час. Больше никаких разговоров.

– Ясно, сержант.

Вечером дождь заметно усилился, а ближе к ночи опять превратился в ливень. Пробираясь сквозь непогоду, мы одолели чуть больше пятнадцати километров, миновали развалины очередного городка и вышли к пологой, но скалистой гряде, расположенной совсем рядом с вражескими позициями.

Наши противники никогда не были дураками – следующие километры находились под плотным наблюдением, количество установленных там мин превышало все разумные пределы, а безопасные на первый взгляд скалы отлично простреливались. Тем не менее, именно в них и следовало искать убежище.

Двигаться по мокрым и скользким булыжникам – весьма сомнительное удовольствие. Каждый неосторожный шаг грозит падением, а любая травма резко уменьшает твои шансы на выживание. Приходится то и дело проверять дорогу, тратить много лишнего времени и нервов, терять концентрацию...

Где-то за нашими спинами вспыхнула молния, осветившая узкий проход между сходящимися каменными глыба-

ми. Я остановился, глянул по сторонам, а затем развернулся и пошел в обход – если держать под контролем длинную и широкую возвышенность было довольно проблематично, то закрыть наиболее удобные перевалы противопехотными минами или детекторами движения не составляло никакого труда. Именно поэтому самый быстрый путь здесь являлся одновременно и самым опасным.

Час спустя мы наконец-то заняли хорошую позицию – теперь камни прикрывали нас со всех направлений, оставляя лишь несколько просветов, сквозь которые можно было наблюдать за раскинувшейся впереди местностью. Я снял с винтовки прицел, установил на него длинную антибликовую насадку и черный фильтр, лег возле одной из расщелин...

Окутанная дождливым предрассветным туманом равнина выглядела безжизненной и заброшенной. Тем не менее, спустя какое-то время мой глаз адаптировался к темной картинке, а потом начал фиксировать важные детали.

Едва заметный дымок над заброшенным поселком.

Чересчур густая роща.

Свежая проселочная дорога, уходящая за маленький холм.

Длинная конусообразная скала, великолепно подходящая на роль ориентира.

Отложив в сторону прицел, я взял протянутый Скоттом планшет и начал размечать вероятные цели, сразу же маркируя их по степени важности.

Затянутый камуфляжными сетями лесок мог скрывать какую-нибудь технику. Под прикрытием холма могла базироваться артиллерийская батарея. В поселке могли размещаться солдаты. Но определенности в каждом из этих случаев не было. Требовались более точные данные.

Еще через час дождь закончился, небо очистилось и наблюдение пришлось свернуть – в светлое время суток использование оптики приносило гораздо больше неприятностей, чем пользы.

Начался еще один сеанс ожидания. Мы лежали в своем укрытии, слушали шелест ветра, изредка выглядывали наружу, грызли быстро заканчивающиеся батончики, засыпали, снова просыпались...

День сменился вечером, снова пришла ночь, однако в окружавшей нас действительности так ничего и не изменилось. Я начал было обдумывать перемещение в другой квадрат, но спустя какое-то время до наших ушей все же донесся тихий приглушенный рокот, а сидевший рядом Скотт нервно дернулся.

Сквозь темноту двигались едва заметные пятнышки света. Незвестно откуда появившись, они быстро сместились на уже отмеченную мной дорогу, а потом скрылись за холмом.

Рокот стих.

Я увидел нетерпеливый жест напарника, но никак на него не отреагировал, перебирая в уме различные варианты даль-

нейших действий.

То, что нам удалось засечь место дислокации вражеской техники, являлось однозначным успехом – из-за кризиса производственной сферы каждая машина ценилась нашими противниками чуть ли не на вес золота. Но главный вопрос заключался в другом – прямо сейчас мне следовало выбрать способ передачи данных для артиллерийского обстрела.

Как правило, разведчики сдают накопленную информацию только после возвращения домой – это медленно, зато надежно и безопасно. Тем не менее, в экстренных случаях мы можем использовать компактные передатчики – это обеспечивает необходимую скорость, однако полностью раскрывает местоположение группы, превращая ее в приоритетную цель для всех вокруг.

Стоило ли рисковать жизнью ради трех машин?

Я покачал головой, демонстративно скрестил ладони, но затем опять выглянул наружу и едва сдержался от ругательства – на этот раз к нам приближалась целая колонна. Длинная вереница светлячков кралась сквозь ночь, сворачивала на проселок, бесследно исчезала в тени холма...

Игнорировать такой объем техники было непозволительной роскошью.

Повинуясь моему жесту, Скотт достал из разгрузки небольшой цилиндр, подключил к нему сенсорный экран и принялся набирать сообщение, перечисляя координаты, объекты, а также подтверждающие коды. В самом конце я до-

бавил свой личный номер и установил четырехчасовой таймер. После чего сделал новую отмашку.

Путь на равнину был закрыт – там все еще не высохла грязь, на которой оставались чересчур заметные следы. Однако скалистые холмы изобиловали естественными укрытиями, дававшими возможность как скрыться от облавы, так и дожидаться очередной грозы. Мы обработали ботинки маскирующей запахи жидкостью, медленно и осторожно спустились к краю возвышенности, ушли в сторону...

Двигавшийся вслед за мной Скотт внезапно поскользнулся, упал, а затем громко выругался.

Время замедлило свой бег. У меня перед глазами, словно наяву, возникло обрадованное лицо вражеского снайпера. Вот он поворачивает свою винтовку, совмещает перекрестье прицела с точкой, из которой донесся такой характерный и долгожданный звук, улыбается...

Мгновение спустя рефлексy взяли свое – я нырнул за ближайший валун, постарался как можно плотнее вжаться в камни и замер, ожидая выстрела.

– Тут никого нет, – раздраженно произнес напарник, выпрямляясь и массируя пострадавшее колено. – Все эти шпионские игры...

Воздух наполнился резким свистом. Мрачные скалы расцвели фонтанчиками длинных оранжевых искр. Не успевший закончить фразу Скотт неуклюже дернулся, выронил оружие, а затем сломанной куклой рухнул на землю.

Рядом с его телом начала расползаться неприятно поблескивающая в свете далеких звезд лужа крови.

Глава 2

Я внимательно рассматривал стаканчик с замороженным апельсиновым соком и думал о том, имеет ли смысл тратить на него свои последние кредиты – день выдался очень жарким и пыльным, украшенная сахарной пудрой масса обещала восхитительную прохладу, но бутылка минеральной воды стоила в десять раз дешевле и эта разница была слишком ощутимой, чтобы ее игнорировать.

С одной стороны, никто не запрещал мне побаловать себя изысканным десертом. С другой – его цена превышала все разумные пределы.

– Решайся, парень, – добродушно хмыкнул сидевший за барной стойкой мужчина. – Скоро урожай закончится, будешь до следующего сезона ждать.

В этих словах не чувствовалось никакой насмешки, однако я все равно ощутил неловкость – хотя государство добросовестно заботилось о своих воспитанниках, назвать нашу жизнь роскошной не смог бы даже самый убежденный оптимист.

И все вокруг это знали.

– Ну что, берешь?

– Нет, – я отодвинулся от витрины, но затем вспомнил про воду и добавил: – Мне бутылку «Солнца», пожалуйста.

– Держи. Приходи еще, рады видеть в любое время.

– Спасибо.

На улице все было по-прежнему. Люди с важным видом ходили между зданиями, разговаривали друг с другом, морщились от летавшей вокруг пыли, прятались в магазинах и небольших ресторанчиках...

Я оглянулся по сторонам, дождался того момента, когда бесшумно вынырнувший из-за угла дома транспорт проедет мимо, а затем перебежал дорогу и направился к стоявшим возле перекрестка лавочкам.

Несколько глотков холодной минералки сделали мою жизнь гораздо приятнее – взгляд начал сам собой цепляться за легкомысленные наряды девушек, доносившаяся с соседней улицы музыка перестала действовать на нервы, а беспощадная жара как будто отступила, сменившись ласковым теплом. До конца осушив бутылку, я минут десять следил за летавшими в небе флаерами, после чего встал и двинулся к окраине города – свободного времени было еще много, возвращаться в родной центр не хотелось, так что небольшая прогулка выглядела оптимальным вариантом.

Деловой квартал остался за спиной, сменившись невзрачными жилыми домами. Рядом с дорогой показался маленький пруд, окруженный редкой цепочкой деревьев.

Именно в этот момент все вокруг залило ярким светом, а до моих ушей донесся женский крик – громкий, пронзительный, наполненный какой-то безнадежной тоской. Я удивленно вскинул голову, обернулся – и замер, широко раскрыв

глаза.

Ядерный взрыв ужасающе прекрасен. Сразу после вспышки сфера бурлящего пламени с кажущейся неторопливостью возносится к небесам, разгоняет в стороны облака, начинает тянуть за собой огромный столб пыли... но все это происходит абсолютно беззвучно. Ты смотришь на вечный символ разрушения, чувствуешь его бесстрастную и равнодушную мощь, любишь заворачивающей пляской огня, а вокруг тем временем слышатся только вопли перепуганных до смерти людей, резкие сигналы машин и лай обезумевших собак.

Жуткий, неправдоподобный диссонанс.

Спустя две или три секунды шума стало заметно больше. Мимо меня пробежала толстая женщина с ярко-красной сумкой в руках. Начала монотонно выть сирена. А потом земля содрогнулась, я неуклюже взмахнул руками, едва не упал и наконец-то очнулся от ступора.

Если верить учебным материалам, сейсмическая волна являлась предвестником гораздо более серьезных неприятностей. Требовалось занять правильную позицию, спрятаться...

– Беги, – крикнул мне какой-то мужчина. – Спасайся!

Здравый смысл окончательно возобладал – не увидев рядом более подходящих укрытий, я шагнул к берегу и спрыгнул в воду. Нырнул, с трудом добрался до дна, схватился за обнаружившийся там каменный выступ...

Несколько долгих мгновений ничего не происходило. За-

тем пространство еще раз вздрогнуло и наполнилось тяжким гулом, а у меня изо рта вырвалась длинная струйка пузырей. Возникло ощущение сдавленности, в глазах потемнело, пальцы разжались и я, бестолково загребая руками, всплыл на поверхность.

Взрыв произошел достаточно далеко от города, так что ударная волна оказалась не очень сильной – росшие вокруг озера деревья полегли, земля была усеяна осколками стекол, в воздухе клубилась пыль, но здания уцелели, а выглядывавшие из разбитых окон люди казались растерянными, однако живыми и более-менее здоровыми.

Пока я судорожно вспоминал, что нужно делать в случае ядерной бомбардировки, монотонно завывавшая сирена умолкла. Ей на смену пришел треск, сменившийся хриплым голосом диктора:

– Внимание! Срочно покиньте улицы и спуститесь в ближайшее убежище! Внимание! Срочно...

Небо за городом еще раз вспыхнуло и голос оборвался. Но самые главные слова все-таки прозвучали.

Насколько я знал, мы готовилась к войне уже лет двадцать. Главной причиной конфликта являлась изначальная несправедливость при разделе территорий – во время освоения планеты уроженцы Барнарда заняли более равнинную часть континента, получив в свое распоряжение львиную долю пригодных для обработки земель, а также многочисленные выходы к океану. На начальном этапе колонизации этот

перекос не играл особой роли, но после разрыва с Федерацией ситуация заметно обострилась и через полторы сотни лет переросла в открытую вражду между странами.

К счастью, избранный пятнадцать лет назад лидер вовремя увидел ростки назревающего конфликта – приоритеты сместились, армия была увеличена и оснащена передовым оружием, в сети открылась серьезная информационная кампания, а в городах начали создаваться защитные сооружения.

Сейчас эта предусмотрительность оправдалась на все сто процентов.

Я выбрался на берег, кое-как стер с лица налипшую пыль, а затем присоединился к жидкому потоку двигавшихся в сторону делового квартала людей.

Небо снова полыхнуло. Земля вздрогнула.

– Внимание! Срочно покиньте улицы...

Хотя вход в бункер находился на первом этаже недавно построенного и весьма популярного развлекательного центра, никакой давки рядом не наблюдалось – скорее всего, люди еще не успели разобраться в происходящем или же банально проигнорировали сигнал тревоги. Беспрепятственно миновав толстую стальную дверь, я вместе с другими беженцами спустился по длинной лестнице, прошел еще несколько шагов и оказался в кромешной темноте.

– Скажите, куда идти, – слышался чей-то взволнованный голос. – Что теперь?

– Не стойте на месте, дайте дорогу!

В какой-то момент вокруг стало слишком тесно и я решил, что из толпы нужно выбираться. С трудом протиснулся между потными телами, вырвался на свободу...

– Что происходит?

– Петра, ты здесь?

Свет наконец-то включился, осветив грубые бетонные колонны, уходящие вдаль стены, снабженный ребрами жесткости потолок, а также несколько десятков растерянных лиц – большинство из собравшихся в бункере людей опасались идти вглубь мрачного подземелья и продолжали кучковаться рядом с лестницей.

Внезапно ожил закрепленный на стене динамик:

– Внимание. Через восемь минут убежище будет закрыто.

Просьба соблюдать порядок.

Стоявшая около меня женщина тут же встrepенулась и дернулась в сторону выхода:

– Пустите... пожалуйста... пустите! Мне нужно домой!

Ее слова как будто прорвали плотину. Количество недовольных возгласов резко увеличилось, кто-то захотел подняться по ступенькам, но не смог этого сделать из-за напиравшей толпы, кто-то начал ругаться, возле противоположной стены заплакал ребенок...

Догадавшись, что совсем скоро меня опять зажмут, я двинулся вперед.

– Внимание. Через пять минут убежище будет закрыто.

Просьба соблюдать порядок.

К сожалению, добиться порядка так и не удалось. Толпа быстро увеличивалась, мало что понимающие люди толкались, спорили, вспоминали про незаконченные дела, требовали объяснений...

Спасаясь от этого хаоса, я дошел до очередной колонны, свернул за нее и обнаружил длинный ряд писсуаров. Еще дальше в полу виднелись аккуратные отверстия, предназначенные для отправления более серьезных потребностей.

Рассматривавший их мужчина обернулся, после чего весело хмыкнул:

– Неплохо придумано, как считаешь? Вот так и возрождается дух коллективизма.

– Наверное...

– Сначала будем вместе гадить, а затем такими же стройными рядами пойдем на войну. Всю жизнь об этом мечтал.

Не зная, что нужно отвечать в таких случаях, я растерянно улыбнулся и отступил назад. Впрочем, собеседник несколько не расстроился по этому поводу.

– Нужен врач, – раздался чей-то громкий голос. – Здесь раненый!

Так как у нас в центре преподавали расширенный курс первой медицинской помощи, я шагнул вперед, но мои знания негодились – врач нашелся, порезанного осколками стекла парня вытащили на открытое пространство и перебинтовали его же собственной рубашкой.

Впрочем, это было только начало.

– Мне тоже нужна перевязка!

– И мне...

Момент, когда сомкнулись двери бункера, я пропустил, возясь с окровавленной рукой пожилой женщины. Рана оказалась пустяковой, но пациентка не желала сохранять спокойствие, требовала дать ей обезболивающее и самым откровенным образом путала меня со штатным сотрудником медицинской службы.

– Вы должны вколоть мне антишок. Понимаете? Это ваша обязанность. Иначе я отправлю жалобу!

– Марта, не мешай парню. Он курсант, а не медик.

– А почему он такой грязный? За что мы платим налоги?!

– Марта, пожалуйста...

Кое-как закончив перевязку, я ушел в сторону, помог еще одному раненому, а затем вернулся к писсуарам – рядом с ними было меньше всего людей.

Несколько минут относительного спокойствия дали мне возможность перевести дух и более-менее трезво взглянуть на окружающую реальность. То, что война все-таки началась, уже не вызывало никаких сомнений. Вдобавок, все говорило о том, что события развернулись по самому худшему из возможных сценариев – на нас напали, мы слишком поздно спохватились и не смогли отразить главный удар. А вот то, что случилось вслед за этим и продолжало твориться на поверхности сейчас, оставалось загадкой.

Разворачивается конфликт или нет? Удалось нашим войскам хоть как-то ответить на вражескую агрессию или все они были уничтожены в первые мгновения схватки? Продолжаются обстрелы или уже закончены?

В унисон моим мыслям пол ощутимо вздрогнул, сверху посыпалась пыль, а где-то рядом с выходом испуганно вскрикнула женщина.

– Нужно сохранять спокойствие, – громко произнес опиравшийся на колонну толстяк. – Нас обязательно спасут!

– Был ядерный взрыв, – мрачно ответил ему прохаживавшийся взад-вперед старик. – Если на город упадет ракета, никого спасать не придется.

– Ракета? – в голосе задавшей этот вопрос девушки слышался ужас. – Какая ракета?

– Ядерная. Или гравитационная, без разницы. Ты, милая, вообще понимаешь, что творится?

– Там опять идут учения.

– Seriously?

– Откуда мне знать? Сказали, нужно спуститься в бункер...

– Я тоже мало что знаю, – решил поддержать ее сидевший у стены мужчина. – Сначала наш дом встряхнуло, затем вылетели окна и включились оповещения, вот и все. Никто ничего не видел.

– Было как минимум два взрыва.

– Так это что, война?

– Разумеется, милая. Война.

– Боже...

Окружающие начали успокаивать расплакавшуюся девушку, а мои мысли приняли совершенно иное направление.

Согласно установленным правилам, в случае любого серьезного конфликта мне следовало вернуться в центр и отчитаться о готовности к прохождению боевой службы. Но сделать это прямо сейчас было весьма проблематично, когда откроются ворота убежища, никто не знал, а связь отключилась – если верить разговорам соседей, любые попытки установить контакт с внешним миром заканчивались провалом.

На всякий случай перезагрузив коммуникатор и убедившись, что он действительно отказывается принимать внешние сигналы, я ощутил серьезную тревогу – участь дезертира мне пока что не грозила, но крохотное пятнышко на репутации было обеспечено. А портить карьеру...

В следующий момент до меня дошло, что карьера – это последнее, о чем нужно думать во время ядерной бомбардировки.

– Вот дерьмо...

– Не переживай, мальчик, – ласково произнесла какая-то женщина. – Все обязательно наладится, вот увидишь.

Я удивленно покосился в ее сторону, но ничего не ответил и сдвинулся ближе к стене.

– Федерация нас спасет, – донесся откуда-то сбоку напряженный шепот. – Они уже давно за нами следят. Они не до-

пустят...

– Папа, хватит. Нет здесь никакой Федерации.

– Будет.

– Хватит. Пожалуйста.

В противоположном конце бункера раздался истеричный вопль, сменившийся недовольным гулом.

Мне вспомнился базовый курс социальной психологии – замкнутое пространство вкупе с внешней угрозой и отсутствием достоверной информации создавало идеальные условия для массового проявления всевозможных страхов, комплексов и подсознательных желаний. Кто-то срывался в панику. Кто-то изо всех сил пытался внушить себе и окружающим веру в грядущее спасение. Кто-то, как я, замещал глобальную проблему более мелкой и незначительной.

А нужно было всего лишь успокоиться и ждать.

– Выпустите нас отсюда! – послышался новый крик. – У меня клаустрофобия!

– Хватит орать!

– Заткнись!

Привести мысли в порядок оказалось нелегко – рядом то и дело вспыхивала ругань, подсыхая, но все еще сырая одежда неприятно холодила тело, а перед глазами настойчиво маячила увиденная час назад картина. Впрочем, спустя какое-то время я все же отрешился от текущих проблем, переключившись на воспоминания о своей первой и пока что единственной поездке на океан.

Медленные желто-зеленые волны, непривычно густая вода...

– Юноша, вам плохо?

– Что?

– Вам нужна помощь? Здесь есть врач.

– Спасибо. Мне хорошо.

– Только скажите.

– У меня все нормально.

С трудом отделавшись от назойливой соседки, я демонстративно размял шею, а затем прошелся вдоль стены, изучая торчавшие повсюду писсуары. Мысль о том, что когда-нибудь ими все равно придется воспользоваться, не вызвала в моей душе никакой радости, но выпитая недавно минералка уже давала о себе знать.

Один из сидевших на полу мужчин окинул меня раздраженным взглядом, а затем процедил себе под нос:

– Интересно, какой идиот проектировал это убежище?

– Успокойся, – тут же отреагировала прижимавшаяся к его плечу миловидная женщина. – Сейчас всем плохо.

– Вот именно. Что мешало сделать нормальные стулья? Что мешало...

Не желая слушать их разговор, я продолжил путь. Конструкция бункера действительно вызвала вопросы – у меня создалось впечатление, что мы находились в самом обычном подвале, на скорую руку переделанном под нужды армии. Но свою основную функцию он все равно выполнял и это было

единственно важным при текущих обстоятельствах.

Пока у меня в голове крутились невеселые мысли о войне, обстановка резко изменилась – из динамиков донесся негромкий треск, свет погас, а между колоннами зажглись несколько одинаковых голограмм, изображавших худого седовласого мужчину в темно-сером костюме.

Лидер страны решил сделать заявление.

– Смотрите...

– Тихо!

Оказавшийся перед нами мужчина чуть помедлил, потом отрывисто кивнул и начал говорить:

– Уважаемые сограждане, я буду краток. То, чего мы боялись, случилось. В результате внезапного и подлого нападения уничтожены пять наших городов, а также значительная часть глобальной инфраструктуры. К счастью, наша армия успела нанести ответный удар, который положил конец вражескому наступлению и дал время для перегруппировки.

Лидер сделал маленькую паузу, глубоко вздохнул, а затем продолжил:

– Я буду честен. Мы лишились очень многого и можем лишиться вообще всего. Настало время сплотиться. Призываю каждого сознательного гражданина явиться в ближайший военный центр, после чего...

Трансляция замерла, но спустя несколько секунд опять включилась, дав нам возможность услышать финальную часть обращения:

– ...долг. Вы поверили в меня – теперь я верю в вас. Мы защитим наш дом. Светлого дня!

Голограмма окончательно исчезла и вокруг снова поднялся шум – людям, наконец-то получившим драгоценную информацию, хотелось ее обсудить. Не обошлось без истерик и плача, но большинство собравшихся все же старались мыслить рационально – вспоминали, где находятся ближайшие воинские части, обдумывали переезд в другие места и пытались смириться с новой реальностью.

В моем мире все было гораздо проще. Если раньше я мог рассчитывать на завершение обучения, дальнейшее перепрофилирование согласно выбранной специальности, а также карьеру в качестве офицера армии, то сейчас круг возможностей резко сократился. По большому счету, у меня остался лишь один вариант – перейти на действительную военную службу и сражаться за свой народ.

Судьба, достойная настоящего мужчины.

– Чему ты радуешься? – в голосе стоявшей неподалеку от меня девушки прозвучала искренняя злоба. – Думаешь, все это весело?

– Простите...

– Малолетний идиот!

Я смутился, отступил к уже знакомым писсуарам, воровато глянул по сторонам, но затем успокоился – окружающим явно хватало других забот и обращать внимание на мое поведение никто не стал.

– Выпустите нас отсюда!

– Эй!

Двери убежища открылись только спустя два часа. Люди нестройной толпой двинулись к лестнице, я присоединился к ним, поднялся по ступенькам, вышел за пределы развлекательного центра...

Привычного мне города больше не существовало. Все вокруг устилала пыль, расположенное поблизости здание оказалось наполовину разрушено, в воздухе чувствовался едкий запах гари, а ведущую к центральной площади улицу перекрывал массивный серо-коричневый транспорт, на котором сидели городские полицейские вперемешку с солдатами.

– Граждане, сохраняйте спокойствие, – послышался усталый и равнодушный голос. – Ситуация под контролем.

Скорее всего, эти слова не имели никакого отношения к реальному положению дел, однако логику происходящего я понимал – сейчас требовалось вывести всех гражданских из потенциально опасной зоны, не создавая при этом паники и не привлекая лишних ресурсов.

– Находиться в городе не рекомендуется, – подтвердил мои догадки говоривший в микрофон лейтенант. – Для вашего удобства организован временный лагерь. Чтобы попасть туда, следует дойти до промышленного института и дождаться...

Офицер продолжал рассказывать о кратчайшем маршруте к зоне эвакуации, но я перестал его слушать, внимательно

наблюдая за тонкими белыми полосками, стремительно расчерчивавшими ярко-синее небо.

Бой все еще продолжался. И о его результатах можно было только гадать.

– Граждане, сохраняйте спокойствие. Ситуация под контролем. Находиться в городе...

Поймав на себе взгляд одного из солдат, я спохватился, перестал таращиться по сторонам и четким, практически строевым шагом направился к транспорту.

Увидев нашитые на мою одежду лычки, лейтенант отложил в сторону микрофон, а затем благожелательно улыбнулся:

– Тебе чего, парень? Отсюда лучше уйти.

– Господин лейтенант, в связи с изменившейся обстановкой я обязан прибыть в распоряжение военного центра номер шесть для поступления на действительную службу. Прошу вас объяснить, каким образом лучше всего это сделать.

– Общая точка сбора находится возле института. Там подскажут, к кому следует обратиться.

– Благодарю, господин лейтенант!

– Не за что, – грустно усмехнулся собеседник. – Ты молодец, парень. Надеюсь, с тобой все будет хорошо.

Дорога заняла около двадцати минут. Все это время я рассматривал пустые оконные проемы, слушал хруст стекла у себя под ногами, выплевывал лезущую в рот пыль и думал о том, что же в действительности происходит вокруг.

Больше всего меня смущало поведение организовавших блокпост солдат – они выглядели очень спокойными, но на чем конкретно это спокойствие основывалось, было решительно непонятно. Возможно, наши войска действительно смогли одержать победу. Возможно, о нападении стало известно заранее. Или все настолько свыклись с мыслями о грядущем конфликте, что восприняли ядерный обстрел как нечто само собой разумеющееся?

Пока я анализировал настроение военных и сравнивал его со своими собственными эмоциями, рядом прошелестел еще один транспорт. А затем включилась глобальная система оповещения.

– Внимание! Город объявлен зоной повышенной опасности. Радиационный фон превышает допустимые значения. Ведется эвакуация. Место эвакуации – территория промышленного института. Просьба сохранять спокойствие и двигаться в указанном направлении. Для защиты органов дыхания...

Впереди показался небольшой завал. Мне в глаза бросилась огромная лужа крови, а также неподвижная рука, выходящая из-под груды камней. Рука выглядела неправдоподобно-белой и скрюченной – как будто ее обладатель до самого последнего мгновения боролся за свою жизнь, тщетно пытаясь справиться с придавившими его обломками.

Тягостное и тошнотворное зрелище.

– Внимание...

Меня обогнала сосредоточенная женщина с повязкой на лице и огромным рюкзаком за плечами. Из небольшого переулка вышли еще несколько человек. А затем я увидел здание института и все встало на свои места.

Созданный в центре города порядок многократно компенсировался тем хаосом, который творился в точке общего сбора. Огромная людская масса колыхалась между приземистыми зданиями, время от времени захлестывала расставленную в качестве сдерживающих барьеров технику, недовольно гудела, пыталась брать штурмом приземляющиеся шаттлы...

– Внимание, – злобно рявкнул установленный на ограде громкоговоритель. – Прямой радиационной угрозы вашему здоровью нет! Обращайтесь к врачам только в случае крайней необходимости!

– Вот черт, – ошеломленно произнес кто-то у меня за спиной. – Так мы отсюда никогда не улетим.

До ушей долетел отголосок далекого взрыва. Еще через секунду в воздухе что-то сверкнуло, а поднявшийся в небо транспортник вздрогнул, окутался дымом и развалился на части.

Обломки упали в непосредственной близости от края толпы. Послышались крики ужаса. Началась давка.

– К черту, – пробормотал мой сосед. – Лучше уж дома сидеть...

К сожалению, лично для меня такой вариант был непри-

емлем. Дождавшись, пока суматоха немного уляжется, я кое-как протолкался до ближайшего поста и обратился к потному и раздраженному сержанту:

– Простите, мне нужно узнать...

– Жди своей очереди!

– Господин сержант, мне...

– В очередь!

Где искать эту самую очередь, было непонятно – находившиеся рядом люди перемещались абсолютно хаотично. В итоге я отошел в сторону, добрался до следующей машины и повторил попытку:

– Разрешите спросить?

– Что? – на лице развернувшегося ко мне солдата проступила безнадежная усталость. – Спрашивай.

– Мне нужно попасть в шестой военный центр. Отсюда...

– Шестой центр уничтожен. Соболезную.

– Но... как?

– Не знаю, парень. Извини.

Я проглотил возникший в горле комок, глубоко вздохнул, после чего растянул губы в неестественной улыбке:

– Благодарю вас. Мне нужно доложить о своей готовности к несению действительной службы. Как это сделать?

Солдат болезненно поморщился, но затем махнул рукой, указывая на один из корпусов института:

– Временный штаб находится там.

– Благодарю вас.

Попасть в здание оказалось достаточно сложно – мне пришлось миновать три блокпоста, отстоять небольшую очередь, пройти через два сканера и убедить дежурившего рядом с ними сержанта в чистоте своих намерений. Только после этого дорога к нужному кабинету наконец-то открылась.

В ответ на мое приветствие расположившийся за массивным столом капитан лишь брезгливо махнул рукой и указал на стоявшее рядом кресло:

– Садись. Слушаю.

– Так точно. Меня зовут Алекс Гарсия. До этого дня я проходил обучение в шестом военном центре. Согласно мобилизационному плану, я обязан в кратчайшие сроки поступить на действительную военную службу.

По лицу офицера проскользнула легкая тень заинтересованности. Окинув меня долгим взглядом, он развернулся к стоявшему рядом экрану и принялся водить пальцами по считывающей панели.

– Алекс Гарсия?

– Так точно.

– Восьмой год обучения... так. Характеристика положительная, оценки выше среднего... возраст... взыскания...

Тщательно изучив досье, капитан снова развернулся ко мне:

– Вам еще нет восемнадцати лет. На вашу категорию граждан текущие нормы мобилизации не распространяются.

– Это все равно случится. Лучше раньше, чем позже.

К моему облегчению, спорить и доказывать свое право на службу не пришлось – офицер, явно ожидавший от меня именно такого ответа, лишь удовлетворенно кивнул:

– Понимаю. Ваше решение вступить в ряды вооруженных сил является осознанным и сделанным без внешнего давления?

– Так точно.

– Хорошо, – собеседник быстро что-то напечатал, а затем продолжил, сменив тон на более официальный: – Отныне вы приписаны к специальной подготовительной роте шестнадцать-девять-четыре. Ваш шаттл улетает через два часа. Сейчас будет готов пропуск.

Небольшая серая коробочка тихо щелкнула и выплюнула золотистый прямоугольник. Капитан толкнул его в мою сторону, а затем кивнул на дверь:

– Рядовой Гарсия, вы свободны.

– Так точно!

Поменявшийся социальный статус частично вернул мне утраченное душевное равновесие. Я еще раз навестил часового, узнал у него, где именно должен появиться шаттл, а затем присоединился к небольшой группе ожидавших вылета новобранцев. С другой стороны здания продолжала шуметь толпа, но мы как будто перенеслись в абсолютно иной мир – более спокойный, более размеренный...

– Парень, где это ты так измазался? – с легким удивлением спросил устроившийся на широком подоконнике здоро-

вяк. – Тебя как будто из задницы вытащили.

Я окинул свою одежду сокрушенным взглядом, после чего безнадежно махнул рукой:

– Спрятался в озере. Вот пыль и налипла.

– Рядом с туалетом душ есть. Рекомендую заглянуть, а то новый командир может не оценить тебя по достоинству.

– Спасибо...

Когда я закончил счищать въевшуюся в ткань грязь и вышел из душевой комнаты, на месте советчика располагались уже совсем другие люди. Общаться с ними мне не хотелось, до прилета челнока оставался еще час, так что я просто занял одно из кресел в углу помещения и прикрыл глаза, вспоминая все случившееся за день.

Недавняя радость постепенно испарилась, сменившись черной меланхолией – на меня внезапно обрушилось понимание того, что прежняя жизнь закончена. Никаких больше лекций, тренировок, посиделок с друзьями, экскурсий...

Перед глазами, словно наяву, возник наполненный замороженным апельсиновым соком стаканчик.

Когда еще выпадет шанс его попробовать?

– Бред...

Назойливый образ продолжал крутиться в голове, но в этом была и своя прелесть – благодаря въевшемуся в память десерту я мог хотя бы временно отстраниться от мрачной череды лиц, бесстрастно взиравших на меня из пустоты.

Товарищи, учителя, случайные знакомые...

– Шаттл триста четырнадцать заходит на посадку, – про-
резался сквозь пелену воспоминаний твердый женский го-
лос. – Загрузка начнется через две минуты.

Я глянул на свой пропуск, откинулся на спинку кресла и
бездумно уставился в разбитое окно.

Жара незаметно сменилась многообещающей прохладой.
В небе начали появляться едва заметные облачка – предвест-
ники будущей грозы. Издалека донесся тихий рокот.

– Шаттл двести тридцать пять заходит на посадку. Загруз-
ка начнется через две минуты.

Убедившись, что в этот раз номер соответствует моему
предписанию, я встал и двинулся к выходу. Миновал часово-
го, вместе с десятком других новобранцев обогнул здание...

– Быстрее, – рявкнул стоявший возле маленького сереб-
ристого челнока солдат. – Шевелитесь!

Как только последний из нас оказался внутри, створки за-
хлопнулись. Шаттл вздрогнул, готовясь оторваться от земли.

– Внимание, – раздался у меня над головой чей-то уста-
лый голос. – Эти твари отстреливают все, что взлетает над
рельефом. Пристегивайте ремни, готовьтесь блевать и моли-
тесь, чтобы они нас не засекли. Конец связи.

Я вспомнил разваливающийся на части аппарат, глубоко
вдохнул, а затем потянулся к страховочной ленте.

Моя служба все-таки началась.

Глава 3

Время шло. Сиявшие в чистом черном небе звезды начали скрываться за легкими облаками, лужа крови окончательно засохла, превратившись в едва различимое пятно, а я все так же лежал среди камней, изредка посматривал на часы и думал.

В открытом бою с неизвестным снайпером мои шансы на выживание стремились к нулю – ночная оптика вкупе с акустическими сенсорами давала врагу чересчур явное преимущество.

Любое движение могло стать последним. Любой неосторожный шорох мог привлечь внимание. По большому счету, мне оставалось только одно – сохранять полную неподвижность, тщательно контролировать дыхание и терпеливо ждать того момента, когда включится установленный нами передатчик.

Десять минут, двадцать, тридцать...

Через два с половиной часа после смерти напарника ночную тишину разорвал тонкий свист взлетевший ракеты. Крохотный снаряд поднялся над скалами, выбросил в пространство закодированный пакет информации, а спустя еще две или три секунды вспыхнул, мгновенно разлетевшись огненными брызгами – воздушное пространство контролировали не только наши лазеры, но и вражеские.

Перед моим внутренним взором снова проступил образ затаившегося рядом снайпера – у него только что возник новый фокус внимания, но этого по-прежнему было слишком мало для успешного бегства. Требовалось нечто большее.

Требовался артиллерийский обстрел.

Нужный момент наступил очень скоро – ночь озарилась яркой вспышкой, над скалами взвились клубы огня и я поднялся на ноги, тут же сделав быстрый шаг в сторону.

Мой расчет строился на том предположении, что из-за начавшейся бомбардировки враг утратит концентрацию, а его техника временно сойдет с ума, пытаясь адаптироваться к резкому изменению уровней шума и освещенности. Тем не менее, полагаться только на удачу было нельзя – следовало как можно чаще менять траекторию движения, использовать все возможные укрытия и соблюдать тишину.

Перепрыгнув на соседний камень, я резко пригнулся, прошел несколько метров на четвереньках, а затем опять выпрямился и бросился вперед. Темнота внезапно сомкнулась, но уже через мгновение расступилась вновь. Из-за спины дохнуло жаром, все вокруг заполонили резкие тени...

Чувствуя, что отпущенное для смены позиции время подходит к концу, я буквально рухнул на землю, после чего замер, изо всех сил сдерживая дыхание.

Выстрелов не было. Это могло свидетельствовать как о дьявольской выдержке следившего за мной снайпера, так и о том, что мой план сработал.

Второй вариант казался более правдоподобным.

Минуту спустя издалека донесся тяжкий грохот – координаты целей явно дошли до адресата и сейчас уже наша артиллерия утюжила подозрительный холм, рощу, а также все остальное в радиусе нескольких сотен метров.

Создаваемый при этом шум служил неплохой звуковой маскировкой.

Тщательно следя за тем, чтобы производить как можно меньше звуков, я достал пузырек с блокирующей собачий нюх жидкостью, смочил ею руки, обрызгал одежду, а затем продолжил движение, стараясь держаться под прикрытием скал и опираться исключительно на твердые поверхности. Миновал небольшое скопление каменных глыб, вздохнул чуть свободнее, опять выпрямился во весь рост...

Десять минут спустя мне удалось обнаружить среди валунов глубокую расщелину. Я с трудом протиснулся в нее, занял более-менее удобную позу и постарался расслабиться.

Нос уловил резкий запах гари. Тело начало ощущать мертвую прохладу сдавивших его скал.

К сожалению, до конца отрешиться от пробирающегося под кожу холода было невозможно – через какое-то время я окончательно замерз и принялся делать специальные упражнения, попеременно расслабляя и напрягая различные группы мышц. Впрочем, это помогло лишь отчасти – камни оставались на своих местах, а их прикосновения с каждой секундой становились все неприятнее.

Помимо холода, у меня хватало и других проблем – спустя тридцать или сорок минут, когда небо начало светлеть, а ветер неожиданно усилился, до моих ушей долетел тихий, но отчетливый собачий лай. В зону инцидента явился поисковый отряд.

Следующие несколько часов оказались самыми напряженными за все время рейда – солнце неспешно ползло по небосклону, скрывавшая меня тьма окончательно рассеялась, где-то рядом бродили враги, но сам я мог лишь неподвижно ждать их появления и надеяться, что этого не случится.

В какой-то момент произошло неизбежное – группа зачистки вышла к тому месту, где погиб Скотт. Лай приобрел откровенно восторженные нотки, а потом оборвался.

Я сдвинул лежавшую на груди винтовку, достал пистолет и опять замер, стараясь дышать как можно реже.

Несколько минут вокруг царил тишина, затем лай возобновился и начал быстро удаляться. Собака явно взяла след, но это был след, ведущий в противоположную сторону – туда, откуда взлетел передатчик и где еще не до конца остыли выжженные плазмой скалы.

На всякий случай выждав еще минут тридцать и убедившись, что непосредственная угроза действительно исчезла, я успокоился, закрыл глаза, после чего наконец-то провалился в сон.

К реальности меня вернул начавшийся вечером дождь.

Стекавшие по камням струйки быстро намочили одежду, добрались до кожи, заставили очнуться, вырваться из блаженной дремоты...

Замерзшее и скрюченное тело весьма негативно отреагировало на попытку движения – по ногам пробежали стайки противных мурашек, из груди вырвался тихий хрип, а в горле проснулась давящая боль. Я совершенно точно отморозил себе все подряд и радовало в этой ситуации только то, что температура до сих пор держалась в пределах нормы – несмотря на пережитые испытания, организм рапортовал о готовности продолжать работу.

Когда вокруг окончательно стемнело, а дождь перешел в ливень, я выполз из-под защиты камней, тщательно закутался в плащ и двинулся в обратный путь. Спустился с возвышенности, взял курс на Греческий лес...

Идти без напарника было достаточно сложно – больше никто не отвлекал меня от дороги, глупые вопросы закончились, но следить за окружающей местностью стало гораздо труднее. А из-за разыгравшейся непогоды и начавшейся простуды это очень быстро превратилось в реальную проблему – уже через два часа я окончательно вымотался, махнул на все рукой и свернул к развалинам Афин.

Город, некогда стоявший на границе между двумя странами и являвшийся весьма успешным торгово-промышленным центром, не смог пережить войну – на его окраинах взорвались два ядерных снаряда, заводские комплексы были

уничтожены ракетами с антиматерией, а деловые кварталы серьезно пострадали от плазмы и гравитации. Как итог, некогда цветущее поселение превратилось в жалкий призрак, навевающий безотчетную тревогу своими выжженными улицами, оплавленными зданиями, а также фонащими радиацией камнями.

За прошедшие с моего последнего визита месяцы тут мало что изменилось – пустые дома выглядели мрачно и тоскливо, струящаяся по бетону вода настойчиво лезла в ботинки, а видимость оставляла желать лучшего. Впрочем, все это уже не имело особого значения. Свернув в первый попавшийся тупичок, я забрался внутрь более-менее сохранившегося магазина, прошел его насквозь, потом оставил за спиной маленькую площадь, увидел длинный бетонный забор...

Впереди находился промышленный комплекс, уже не раз служивший мне убежищем – радиационный фон здесь был чуть выше, чем в окружающих районах и это являлось очень мощным аргументом, исправно отпугивавшим всевозможных посетителей. Конечно, в случае реальной необходимости поисковая группа забралась бы даже сюда, но обнаружившие Скотта враги явно решили, что он гулял в одиночестве и отказались от погони, а каких-либо еще угроз в округе не наблюдалось.

Проигнорировав мерцание браслета, я пересек двор, по широкой дуге обошел скопление тяжелой техники, а затем нырнул в первую попавшуюся дверь.

Темнота стала абсолютной и мне пришлось достать фонарик. Неровный круг света обрисовал светло-серый пол, точно такие же стены, уходящую на второй этаж лестницу...

Я аккуратно поднялся по металлическим ступенькам, миновал несколько узких коридоров и зашел в просторный кабинет, до войны принадлежавший одному из директоров учреждения. Со вздохом облегчения сбросил с плеч надоевший плащ, освободился от ботинок, после чего рухнул на диван и бездумно уставился в пустоту.

Хотелось есть. Горло продолжало саднить. Мысли путались из-за поднявшейся температуры.

По коже гулял неприятный озноб.

– Нужно встать, – вслух произнес я. – Встать, выпить стимулятор, укрыться и заснуть. Вперед.

Одеял в кабинете не было, но бросивший свою вотчину управленец оставил после себя кое-какую одежду, а год назад мне удалось принести сюда десяток питательных батончиков и походную аптечку. Сейчас все это оказалось весьма кстати – проглотив несколько таблеток и съев засохшую плитку синтетического шоколада, я переоделся в чересчур мешковатый, но довольно теплый костюм, бросил на диван охапку пиджаков, закопался в них...

Новое пробуждение оказалось гораздо более приятным – антибиотики, тепло и мягкое ложе буквально вернули меня к жизни, а заглядывавшее в окна солнце довершило картину, привнеся в нее что-то очень мирное и домашнее.

Вставать с дивана не хотелось. Думать о новом рейде через Полосу – тоже. Наверное, водись в этих местах хоть какая-нибудь живность, у меня возникло бы искреннее желание немедленно дезертировать со службы и заняться отшельничеством. Охотиться на диких коров, ловить рыбу...

Сонные думы прервал отголосок раздавшегося неподалеку взрыва. Я мгновенно сбросил остатки дремоты, взялся за винтовку, но тревога оказалась ложной – спустя две или три секунды шум повторился и стало ясно, что цель неизвестного артиллериста находится где-то в стороне от города. Следовательно, у меня все еще было время для того, чтобы спокойно и без суеты привести себя в порядок.

– Ладно, приступим...

Пока разложенная на полу одежда сохла под солнечными лучами, сам я забрался на крышу здания, нашел там лужу относительно чистой воды и старательно вымылся. После чего спустился в кабинет, съел еще два батончика и опять развалился на диване.

Готовиться к возвращению в родную часть было тяжело. Монотонный переход через Полосу, визит к полковнику, бесконечные отчеты, стандартные объяснительные – все это вызывало в моей душе исключительно негативные чувства. Но другие варианты попросту отсутствовали.

Начавшаяся ближе к вечеру морось не шла ни в какое сравнение с бушевавшим день назад ливнем, однако такое изменение было мне на руку – тихий шелест капель все еще

маскировал звуки, влажная пелена укрывала меня от врагов, но двигаться стало заметно легче и километры пути исправно ложились под ноги.

Греческий лес остался где-то очень далеко. Возникли и снова растворились во мраке характерные скалы, долгие годы служившие ориентиром для всех проходящих мимо разведчиков.

А затем мне встретился кантр.

Небольшие хищники появились на планете вместе с первыми колонистами. Ради чего их сюда завезли, оставалось загадкой, но приспособиться к безжизненным равнинам у зверьков не получилось – сейчас ареал обитания кантров большей частью совпадал с границами человеческих городов, а выживали они только за счет пищевых отбросов и охоты на таких же привозных крыс.

– Заблудился? – поинтересовался я у крадущейся сквозь предрассветный сумрак твари. – Пошел вон.

Кантр замер, оскалив мелкие конусообразные зубы.

– Пошел вон!

Хотя животное не представляло из себя реальной угрозы, в ближайшем будущем я должен был остановиться на дневку, а сон в компании оголодавшего хищника легко мог спровоцировать нападение.

Вопрос требовалось решать радикально.

– Извини, парень...

Увидев пистолет, кантр тихонько взвизгнул и бросился

наутек, но смог пробежать лишь два или три метра. Раздался тихий хлопок, пуля догнала тощее облезлое тело и все закончилось.

– Вот так, – пробормотал я, пряча оружие. – Вот так...

Следующий день не принес ничего нового, однако с наступлением темноты дождь резко усилился, затопив служивший мне убежищем овраг бурным потоком воды. Пришлось заканчивать отдых, собирать вещи и уходить.

Финальный этап пути отнял у меня всю ночь, до конца истощил подорванные болезнью силы, но завершился благополучно. На рассвете я прошел между двух неприметных камней, тем самым дав понять охранявшим территорию снайперам, что в их зону внимания входит друг, а еще через три часа впереди наконец-то показался знакомый лес – иссеченный осколками, изуродованный взрывами, опаленный огнем, но до сих пор цеплявшийся за свое безрадостное существование.

Навстречу вышли двое встречающих.

– Сержант Фишер, – представился я, останавливаясь в паре шагов от внимательно рассматривавшего меня лейтенанта. – Шестая разведрота. Вернулся с задания. Код восемь-пятнадцать-зеленый.

– Мне известно, кто вы, – кивнул офицер. – Остальных можно не ждать?

– Они погибли.

– Ясно, – лейтенант скривил брезгливую гримасу и отвер-

нулся. – Полковник хочет вас видеть. Не задерживайтесь.

– Так точно.

На противоположном краю леса обнаружился бронированный вездеход. Я поприветствовал водителя, забрался в кабину, устроился там на жестком потертом сиденье, после чего начал обдумывать предстоящий разговор.

В последнее время наши с командиром беседы проходили гораздо напряженнее, чем раньше.

Это вызывало тревогу.

– Пристегнитесь, – посоветовал управлявший машиной солдат. – Пока не выберемся на трассу, будет трясти.

– Да, знаю...

Наша часть располагалась в пятнадцати километрах от леса – там, где вероятность вражеского обстрела снижалась практически до нуля. Проехав несколько минут по бездорожью, мы свернули на проселок, заметно увеличили скорость, а спустя еще пять минут оказались возле чудом сохранившегося шоссе.

– Скоро будем дома, – радостно улыбнулся водитель. – Отдохнете как следует.

– Надеюсь. Что-нибудь серьезное случилось за прошлую неделю?

– Мелочевка, – собеседник ловко дернул джойстиком и вездеход, заложив крутой вираж, боком заехал на дорогу. – Стреляют, но мало. Говорят, никуда не попали.

– Ясно.

– А вы в разведке были? Далеко прошли?

– Не могу сказать.

– Так точно, господин сержант, – мгновенно подобрался водитель. – Это больше не повторится!

Я равнодушно кивнул, отвернулся и весь остаток пути смотрел в окно, наблюдая за редкими пятнами зелени, время от времени появлявшимися среди бескрайних скалистых просторов.

Несмотря на два с лишним века колонизации, создать привычную человеческому виду биосферу мы так и не смогли.

А сейчас всем стало совершенно не до этого.

– Подъезжаем, – доложил солдат, когда впереди возникли первые ангары. – Вас к штабу?

– Да.

Штаб шестой роты находился в огромном подземном бункере, увенчанном покатой бетонной шапкой – делать антиматерию и гравитационные заряды ни мы, ни наши противники уже не могли, ядерные ракеты использовались редко, а с более традиционными видами оружия бетон кое-как справлялся. Правда, не всегда.

– Сержант Фишер по вызову полковника Питерса.

– Вас ожидают, – дежуривший перед входом часовой отодвинулся в сторону. – Он у себя.

– Благодарю.

Кабинет полковника выглядел достаточно уютно – прово-

дивший там большую часть своего времени Питерс уже давно завез в бункер симпатичную мебель, уютные кресла и вычурные светильники, превратив неопрятную комнату в довольно-таки симпатичное жилище. А стоявший у стены диван сразу же напомнил мне тот, на котором я сам отдыхал всего пару дней тому назад.

– Господин полковник, сержант Фишер...

– Садись, – рявкнул командир, энергично тыкая пальцем в одно из кресел. – И докладывай. Без формальностей!

– Так точно. Во время выполнения задания группа попала под обстрел. Выжили только я и рядовой Генри Скотт. Несмотря на потери, мною было принято решение продолжить рейд. Мы с рядовым Скоттом продвинулись до вражеских позиций и организовали наблюдение. Сутки спустя была засечена колонна техники, а также локализована база этой техники. Мы передали координаты, после чего ушли с позиции. К сожалению, во время отступления рядовой Скотт был убит снайпером. Я принял решение завершить выполнение боевой задачи и вернулся в расположение части. Все.

Питерс немного помолчал, буравя меня яростным взглядом спрятанных под густыми кустистыми бровями глаз. А затем вкрадчиво поинтересовался:

– Скажи мне, Локи, сколько человек сдохли рядом с тобой за эти пятнадцать лет?

– Не...

– Двести тридцать два солдата, – оборвал меня коман-

дир. – И сегодня я добавлю в этот список еще четверых. Ты можешь это объяснить?

– Мне просто везет. А им – нет.

– Пятнадцать лет подряд?

– Господин полковник, мы с вами не раз ходили через Полосу. Вы видели меня все эти годы.

– Видел, – недобро кивнул собеседник, откидываясь на спинку стула. – Если бы не видел, давно сдал бы безопасникам.

– Спасибо, что не сдали.

– Издеваешься?

– Никак нет, господин полковник.

Сидевший передо мной офицер громко скрипнул зубами, после чего немного успокоился и тяжело вздохнул:

– Все вокруг боятся твоего гребаного везения. Когда Гладкову предложили взять тебя в группу, он подал рапорт о переводе на другой участок фронта. Объяснить, что это значит?

– Я все понимаю.

– Даже он послал тебя к чертям, – буквально выплюнул командир. – Даже он!

– Так точно.

В комнате воцарилось молчание – полковник изо всех сил пытался сжечь меня взглядом, а я старательно пялился в стену и думал о том, сколько еще продлится допрос. Тело проголодало, хотелось свежей ванны, нормальной еды...

– Наш человек подтвердил уничтожение артиллерийского соединения, – наконец сообщил Питерс. – Ваши координаты оказались верными.

– Как обычно, господин полковник.

– Как обычно... чтоб ты сдох, Локи.

На этот раз я решил промолчать – очередной разнос явно подходил к концу и в моих интересах было как можно меньше раздражать собеседника.

– Вот что мне с тобой теперь делать? Отправить в новую группу?

– Я могу работать в одиночку, господин полковник.

– Одного тебя никто никуда непустит, – в голосе командира прозвучала откровенная тоска. – Хотя, видит бог, я бы именно так и сделал.

– Мне кажется, в некоторых случаях имеет смысл...

– Хватит. – Питерс громко хлопнул ладонью по столу. – Гробить стариков я тебе больше не дам. Пойдешь на лейтенантские курсы.

– Господин полковник, я не хочу становиться офицером.

– Мне плевать, чего ты хочешь, – с наслаждением оскалился собеседник. – Терпение, знаешь ли, иссякло. Получишь свою собственную группу, научишь молодых тому, что знаешь. А если они тоже останутся на Полосе, уедешь в другую часть.

– Но...

– Иначе вылетишь отсюда уже сегодня.

– Хорошо, господин полковник. Я готов пройти обучение.

– Тогда свободен. Рапорт принесешь завтра, предписание получишь тоже завтра. Все.

Личная комната встретила меня тишиной, легким беспорядком и сыростью – пришлось включать обогреватель, а затем долго сушить над ним постельное белье.

В голове продолжали крутиться слова Питерса. То, что сам факт моего существования доставляет командованию множество головной боли, я и так знал, но речь о возможном переводе на другой участок фронта застала меня врасплох – смена обстановки являлась ощутимым ударом, ставящим под угрозу всю мою жизнь. Новая местность, новые люди, новые порядки...

Нести ответственность за собственное подразделение я не хотел. Обучать желторотых новобранцев тонкостям работы на Полосе – тоже. Но альтернативный вариант смотрелся настоящей катастрофой.

– Дерьмо.

Так и не придя к каким-либо выводам, я сходил в душ, впервые за несколько дней почистил зубы, а затем буквально упал на кровать. В голове возникла мысль о том, что нужно обязательно посетить госпиталь, но уже через мгновение все вокруг окутала уютная тьма, веки сомкнулись...

Следующее утро началось для меня очень рано. Проснувшись еще до рассвета, я написал стандартный рапорт о завершенной разведке, постирал и высушил одежду, сбрил на-

росшую за неделю щетину, почистил оружие, проверил почту, изучил новостную сводку, а затем снова отправился к Питерсу.

На этот раз полковник оказался настроен гораздо более приветливо.

– Садись, – буркнул он, привычным жестом указывая на кресло. – Завтракать будешь?

– Никак нет.

Мохнатые брови тут же сдвинулись к переносице, а на меня нацелился толстый волосатый палец:

– Не вздумай обижаться, понял? Это не ты каждый месяц перед генералом стоишь и обтекаешь, рассказывая о потерях. Ясно?

– Так точно.

– И не думай, что старый гад обо всем забыл. Не забыл. Так что давай без формальностей.

Я демонстративно вздохнул, а потом столь же демонстративно улыбнулся:

– Не проблема, шеф. Я понимаю, что на вас давят. Завтракать буду.

– Вот и хорошо. – Питерс мгновенно успокоился и еще раз показал на кресло: – Садись, не стой столбом. Пока жратву готовят, расскажи мне, что там у вас случилось. Только нормально расскажи.

– Все очень стандартно, – поморщился я. – Какая-то сволочь установила сигналку, мы ее зацепили. Потом...

– То, как ты выжил, я даже не спрашиваю. А Скотт?

– Ему кто-то сказал, что он должен во всем следовать моему примеру.

– Вот видишь, идея с обучением не такая уж и плохая. Что дальше?

– Да ничего особенного, шеф. Дошли до цели, засекли технику, передали координаты.

– А как...

– Споткнулся, ушибся, начал ругаться.

– Идиот.

Я вспомнил уверенное и одновременно с тем мальчишеское лицо напарника, после чего тяжело вздохнул – Генри был кем угодно, но уж точно не идиотом. Неопытным, горячим...

– Это было зря, – угадал мои мысли командир. – Жаль, что так получилось.

– Да, жаль.

Симпатичная, но слегка высокомерная адъютантша без стука зашла в кабинет, молча водрузила на стол две большие тарелки с яичницей и поджаренными мясными палочками, после чего ретировалась.

– Приступай, – кивнул Питерс, изучая растекшийся по стеклу желток. – Говорят, все настоящее.

– Врут, – предположил я, берясь за вилку. – В городе настоящие яйца стоят дороже золота.

– Ну, я все-таки полковник, – без особой уверенности

хмыкнул собеседник. – Вдруг не врут?

К сожалению, легкий привкус пластика быстро убедил нас в обратном – или служба обеспечения что-то напутала, или попросту отправила дефицитный товар кому-то еще.

Впрочем, мясо оказалось очень даже неплохим.

– Выпишу себе месяц отдыха, уеду на море и буду есть нормальные яйца, – мрачно сообщил Питерс, дожевывая свою порцию. – Ты когда-нибудь был на море?

– Был. Три раза. Может и больше, не знаю.

– Черт. Извини, что напомнил.

– Пустое, шеф. Столько лет прошло.

– Все равно неловко. Не передумал насчет лейтенанта? Если это тебе как кость в горле, то...

– Я справлюсь.

– Ну и отлично. Машину я вызвал. Как соберешься, можешь ехать.

На одно краткое мгновение вариант с получением нового статуса показался мне не таким уж плохим – все же перед офицерами открывалось гораздо больше дверей, чем перед сержантами. Но воодушевление быстро сошло на нет – сопутствующие званию ограничения и повышенная ответственность нивелировали абсолютно любые преимущества.

Впрочем, выбора у меня по-прежнему не было.

– Сделаю, шеф.

– Давай. Верю, что ты меня не подведешь.

Спустя четверть часа я вышел из своей комнаты, закинул

на спину винтовку, в последний раз проверил экипировку, после чего отправился к тому месту, где стоял ожидавший меня транспорт.

– Забирайтесь назад, – махнул рукой смутно знакомый мне водитель. – Место есть.

Место действительно нашлось – между штабелями зеленых ящиков лежал длинный плоский аккумулятор, на крышке которого можно было кое-как разместиться. Правда, с трудом.

– Не беспокойтесь, ход плавный. Ничего не упадет.

– Надеюсь, – пробормотал я, опираясь на ближайший ящик. – Готов!

Машина тихо заурчала, сдвинулась с места, а затем развернулась и направилась к воротам части. Впереди было еще почти сорок километров пути, мирный город, общение с нормальными людьми, учеба...

Глава 4

Свою дозу радиации я все-таки получил – это выяснилось во время первичного осмотра и привело к тому, что меня сначала изолировали от других новобранцев, а затем направили в расположенный неподалеку военный госпиталь.

Исполнявшая функции администратора медсестра несколько не обрадовалась новому пациенту, но все равно выдавила из себя дежурную улыбку, сделала отметку в базе данных и рассказала, как пройти в свободную палату.

– Только верхнюю одежду снимите. В шестом кабинете можно взять чистый комплект.

Я послушно кивнул, обменял свои вещи на стандартный белый костюм, после чего отправился искать нужное отделение. Без особых приключений добрался до цели, поздоровался с будущими соседями, лег на одну из свободных кроватей и стал ждать новостей.

– Это все неделю продлится, не меньше, – сообщил поджарый мужчина лет тридцати, явно отвечая на заданный еще до моего появления вопрос. – Кровь будут фильтровать, дрянь всякую из костей вытягивать. Приятного мало, зато жить будешь.

– Звучит не очень, – тоскливо ответил его более дородный сверстник. – Я верю в медицину, но когда тебя чуть ли не по молекулам перебирают... как-то не по-божески.

Лысый морщинистый старик, выглядевший самым пожилым из находившихся в комнате людей, со злостью фыркнул:

– На этой проклятой планете никакого бога нет. После всего случившегося только идиоты будут в него верить!

Спорить на религиозные темы никто не захотел и вокруг сгустилось неловкое молчание. Впрочем, ненадолго.

– Говорят, Афины полностью уничтожены.

– Не полностью. Видел двоих человек оттуда. Но городу сильно досталось, это верно.

– Еще говорят...

– Если верить всему, что говорят, то никогда не узнаешь, что случилось на самом деле, – веско произнес старик. – Лучше дождаться официальной сводки.

– Вряд ли там будет реальная картина...

– Ясности станет больше.

– Возможно...

До самой ночи не произошло ничего по-настоящему значительного. Более-менее освоившись, я рассказал соседям про ядерный взрыв, ознакомился с их мнением касательно радиационного облучения и наиболее вероятной терапии, затем выглянул в коридор и попытался узнать у пробегавшего мимо врача о своем лечении, но получил резкую отповедь и вернулся в палату.

Увидев мое лицо, поджарый Стивен с наслаждением зевнул, после чего усмехнулся:

– У них сейчас слишком много забот. Лучше не отвлекать.

– Да, верно...

Разъяснений относительно нашего ближайшего будущего мы так и не получили. Принести нам ужин тоже никто не удосужился, так что ложиться спать пришлось на голодный желудок. Однако утром в палату заявила целая делегация – десяток одетых в светло-серые халаты людей протолкнули сквозь дверной проем несколько громоздких приборов, расставили их возле кроватей, после чего начали готовить к работе, время от времени бросая друг другу малопонятные фразы.

Еще через пять минут на пороге возник пожилой и откровенно замотанный врач.

– Если кто-то хочет облегчиться, то сейчас для этого самое время, – устало произнес он, тщетно пытаясь сдержать зевок. – Сеанс закончится после обеда.

– А во время...

– Во время сеанса ходить будете под себя.

– Я пойду.

– И я...

После того, как мы вернулись из уборной, началось самое неприятное.

– Так, Алекс... как далеко был источник облучения?

– От десяти до пятнадцати километров, господин...

– Ясно, – проигнорировал мою попытку узнать его имя врач. – Пылью дышали?

– Ну... наверное, да.

– Ясно. Острые симптомы есть?

– Никак нет!

– Ясно. Сейчас будет больно, терпи.

– Так точно... ай!

Огромная игла вошла мне в вену и я сжал зубы, пытаюсь абстрагироваться от роящихся в голове мыслей. Думать о том, как толстое стальное жало двигается внутри подергивающегося сосуда, царапает его стенки острым скошенным кончиком...

– Вот дерьмо. Извините.

– Сейчас мы тебя как следует вычистим, – доктор опять пропустил мои слова мимо ушей. – Когда начнет тошнить, блюй вот сюда. Когда захочется кашлять, отхаркивай сюда же. Если будет совсем плохо, говори. Понял?

– Так точно!

Следующие три или четыре часа превратились в непрекращающийся кошмар. Меня выворачивало наизнанку от кашля и рвоты, страшный аппарат неумолимо сосал из тела кровь, вены горели огнем, в голове мутилось, с разных сторон долетали тихие стоны...

Когда все закончилось, я вытянулся на кровати, попытался прикрыть глаза и уснуть, но был возвращен к реальности строгим голосом все того же врача:

– Первый этап завершен. Теперь идите за мной.

Двигаясь подобно сомнамбуле, я вслед за остальными пациентами вышел из палаты, добрался до камеры дезинфек-

ции, после чего добрых десять минут стоял под жесткими и вонючими струями какого-то специфического душа.

– Разбирайте новую одежду и бегом на сканирование, – приказал наш мучитель, когда мы вернулись в коридор. – Быстрее, пока есть окно!

Сканирование оказалось самым приятным и безболезненным мероприятием – я провел несколько минут в теплой керамической трубе, после чего узнал-таки свой диагноз.

– Внешние факторы успешно нейтрализованы, – сообщил доктор, быстро заполняя какую-то анкету. – Погрешность несущественна. Степень поражения организма незначительная. Глубокая терапия не требуется. Проведете неделю под наблюдением, получите дозу клеточных ингибиторов, затем отправитесь в часть.

– Спасибо...

Остаток дня я провел в подавленном молчании – разговаривать не хотелось, мысли о еде вызывали тошноту, ранки от игл неприятно саднили, а по телу гуляла отвратительная слабость. Впрочем, ближе к ночи самочувствие начало улучшаться. И не только у меня.

– Съесть бы чего-нибудь.

Голос некогда поджарого, а теперь и вовсе похожего на оживший скелет Стивена вырвал меня из полудремы и заставил вспомнить о еде. В желудке сразу же возникло томление, а перед глазами проступил образ тарелки с кашей. Горячей, изобилующей сочными кусками мяса, восхитительно

ароматной...

– Врач сказал, что в тумбочках какая-то паста есть.

– Где?

Несколько минут спустя, опустошив тубик с пахучей, но абсолютно безвкусной субстанцией, я вернулся на кровать, чувствуя полное удовлетворение жизнью. Веки опять сомкнулись, из темноты проступил назойливый стаканчик с замороженным соком...

На третий день моего пребывания в госпитале завтрак мы все-таки получили. А во время трапезы случилось то, чего лично я давно ждал – прямо в стене загорелся экран и нашему вниманию предстала официальная хроника начавшейся войны.

Беззвучная, но оттого лишь еще более впечатляющая.

– Боже...

Сверхтяжелая плазма, розоватым маревом окутывающая жилые кварталы. Поднимающиеся к небу ядерные грибы. Разваливающиеся в воздухе самолеты и флаеры. Складывающиеся под гнетом избыточной гравитации дома. Вспышки чистой энергии, выплескивающейся на месте подрыва зарядов с антиматерией.

Гигантский огненный смерч, образовавшийся над пылающим городом.

– Это... это...

Мелькавшие у меня перед глазами кадры выглядели настолько дико, что мозг отказывался принимать их всерьез.

Несмотря даже на то, что несколько суток тому назад я видел ядерный взрыв своими собственными глазами.

– Это не может быть правдой, – в конце концов озвучил наши общие мысли Стивен. – Это не так.

На экране возникло изображение отлично знакомого мне военного центра, снятого с расположенной неподалеку дорожной камеры. Еще через секунду на месте строгих угловатых зданий вспыхнуло миниатюрное солнце.

– Антиматерия...

– Дерьмо.

– Подберите сопли, – так и не соизволивший назвать свое имя старик брезгливо поморщился. – Все уже произошло. И нам теперь с этим жить. Чем быстрее вы это усвоите, тем лучше, ясно?

Разговаривать с ним я не хотел, поэтому дождался окончания трансляции, а затем снова лег на кровать и уставился в потолок, желая собрать в одну кучу разрозненные мысли.

Хотя использованный при нападении арсенал вызывал тихий ужас, во всем случившемся хватало обнадеживающих моментов. Ядерных взрывов оказалось не так уж много – значит, силы противовоздушной обороны не только уцелели, но и перехватили большую часть вражеских ракет. Еще лучше было то, что главный удар пришелся на военные и промышленные объекты – несмотря на пять разрушенных городов, соседи не рискнули идти по пути тотального геноцида. Учитывая подобную нерешительность, а также четкие дей-

ствия нашей собственной армии, победа в войне стала выглядеть чуть более реальной.

С другой стороны, поводов для отчаяния тоже хватало – судя по кадрам хроники, перехватывать снаряды с антиматерией оказалось чересчур сложно, так что вся приграничная область наверняка была выжжена дотла. А уничтожение заводов серьезно подрывало наше будущее.

– Если мы больше ничего не сможем построить...

– Сможем, – убежденно заявил расслышавший мой шепот Стивен. – Не переживай на этот счет, парень. Я видел, как охраняется ядерный центр. Фабрика, производство. Туда никто не доберется.

– Хотелось бы верить.

– Точно тебе говорю.

Устроившийся на соседней кровати старик громко фыркнул и разговор оборвался. На этот раз – окончательно.

Остаток дня не запомнился мне ничем особенным – куцая информационная сводка больше не вызывала интереса, редкие беседы с соседями навевали тоску, от еды воротило, а общее состояние сменилось с возбужденно-шокированного до апатичного. То ли наступил эмоциональный откат, то ли действовали вводимые нам препараты, но все остальные чувствовали себя примерно так же. Мы валялись на своих кроватях, грызли принесенные медсестрой хлебцы, молчали...

Еще через сутки все опять изменилось – сразу после зав-

трака в дверях появился наш врач в сопровождении одетого в полевую форму сержанта.

Тот не стал ходить вокруг да около, а сразу перешел к сути:

– Алекс Гарсия и Стивен Фолк находятся здесь?

– Так точно, – я убрал в сторону поднос и встал с кровати. – Рядовой Алекс Гарсия, господин сержант!

– Рядовой Фолк, – последовал моему примеру Стивен. – Готов к службе!

– Хорошо, – сержант заглянул в принесенный с собой планшет, удовлетворенно кивнул, после чего развернулся к выходу: – Следуйте за мной.

Наши пути разошлись за воротами госпиталя – бывшего соседа увели в сторону взлетно-посадочной площадки, а меня отправили к небольшому бронированному вездеходу, внутри которого обнаружили еще несколько точно таких же молодых новобранцев.

Десять минут спустя машина вздрогнула, чуть приподнялась над землей, после чего неохотно сдвинулась с места. Начался утомительный переезд, закончившийся только поздним вечером.

Разговаривать во время транспортировки было достаточно сложно из-за гула и тряски, поэтому я молчал, практически непрерывно боролся с подступающей к горлу тошнотой, а в редкие моменты облегчения гадал о том, куда нас везут.

Судя по всему, теперь вокруг меня находились исключи-

тельно товарищи по несчастью – никому из соседей нельзя было дать больше двадцати лет, однако каждый из них выглядел подчеркнуто сосредоточенным и серьезным, в каждом чувствовалась армейская жилка и соответствующее обучение. Но вот для чего именно потребовалось собирать в одном месте недоучившихся воспитанников военных центров, оставалось загадкой.

Отправка на фронт? Дальнейшая подготовка? Тыловые работы?

Мучиться в неведении пришлось долго – сразу по приезду в точку назначения нас без лишних слов накормили, отвели в пустую казарму, а затем приказали отдыхать и выключили свет. Расставивший же все по своим местам брифинг состоялся только на рассвете.

Выполняя приказ разбудившего нас сержанта, мы вместе с обитателями еще двух казарм перешли в небольшое административное здание, расположились в уютном конференц-зале и принялись ждать. Впрочем это ожидание быстро закончилось.

– Доброе утро, – зашедший в помещение седовласый мужчина благожелательно кивнул и двинулся к скромной черной кафедре. – Минуту внимания.

Пока я думал о том, кто именно оказался перед нами и рассматривал гражданский костюм незнакомца, тот занял место лектора и начал говорить:

– Меня зовут Константин Дюпри. Так как для большин-

ства из присутствующих мое имя ничего не значит, я сразу перейду к делу. Вам уже известно, что мы подверглись внезапному и подлому нападению, но вы пока что не имеете представления о том, насколько тяжелыми оказались последствия. К сожалению, дела обстоят хуже, чем можно было бы ожидать. На данный момент враг уничтожил свыше девяноста процентов наших промышленных мощностей и нанес серьезный урон обороноспособности страны. Мы смогли остановить его наступление массированным встречным ударом, но положение остается чрезвычайно неопределенным. В этой ситуации приходится искать альтернативные пути ответа на агрессию.

Закончив с вступлением, Дюпри взял небольшую паузу, обвел нас многозначительным взглядом, а потом удовлетворенно кивнул:

– В этом зале находятся лучшие ученики наших академий. Каждый из вас обладает повышенным коэффициентом интеллектуального развития, высокой психологической устойчивостью и склонностью к аналитическому мышлению. Каждый из вас может принимать верные решения в нестандартной обстановке. Каждый из вас имеет потенциал для того, чтобы стать блестящим военным специалистом.

Я покосился на соседа, заметил взгляд сидевшей чуть дальше девушки, смутился и вновь развернулся к лектору.

– Армия считает, что вы достойны лучшей участи, нежели быстрая гибель под артиллерийским обстрелом, – тем вре-

менем продолжал тот. — Нам требуются люди, которые будут способны незамеченными преодолевать линию фронта и работать в тылу врага. Осуществлять диверсии, сообщать о передвижениях войск и выполнять те задачи, которые не под силу обычным солдатам.

Последовала новая пауза, во время которой Дюпри внимательно рассматривал нас, а мы старались отвечать ему максимально твердыми и непоколебимыми взглядами. Особого удивления в аудитории не чувствовалось — даже последнему глупцу было ясно, что нас собрали вместе не просто так. А создание диверсионно-разведывательных отрядов полностью соответствовало концепции затяжной войны.

В то, что бои прекратятся спустя неделю или две, лично я уже не верил.

— Нам нужны только добровольцы, поэтому никто не станет требовать от вас ответа прямо сейчас. Можете считать сегодняшний день законным отпуском. Подумайте как следует и только после этого...

— Я готов, господин Дюпри, — неожиданно встал с места сидевший передо мной парень. — Мой город уничтожен. Мои друзья убиты. Мне не нужен день для того, чтобы принять решение. Я готов сделать все, что нужно.

— Не торопитесь, — едва заметно улыбнулся лектор. — Порядок один для всех. Сегодня в девятнадцать часов жду вас в этом зале. Это не обсуждается.

— Так точно, господин Дюпри!

Нам действительно предоставили целых двенадцать часов отдыха, но все это время мы провели в казарме, изучая висевшие на стенах экраны, по которым непрерывно транслировались репортажи о сгоревших городах, уничтоженных заводах и погибших людях.

Хроника была составлена очень грамотно – несмотря на обрывочность данных и неудачные ракурсы, каждый из нас то и дело видел родные места, мог оценить разрушения и вспомнить оставшихся под завалами близких. Сначала настолько откровенная пропаганда вызвала у меня резкое отторжение, но это чувство достаточно быстро ушло – закрывать глаза на правду было глупо, а винить будущее начальство в том, что оно пыталось создать у нас в головах верную картину мира, я не собирался.

Именно сейчас требовалось проявить мужество, сплотиться и дать врагу отпор. Вдобавок, то, что нам предоставили возможность самим выбирать свою дальнейшую судьбу, говорило о значимости создаваемого подразделения. Так имело ли смысл отказываться?

– Подозрительно все это, – в унисон моим мыслям заметил сидевший на соседней кровати новобранец. – Они показывают только нужные вещи. Формируют мнение.

– Ты против? – сообщивший Дюпри о своей готовности выскочка удивленно посмотрел в его сторону. – Нам показывают это, чтобы мы осознавали, с чем имеем дело. Или ты трусил?

– Мне плевать, как ты это назовешь. Я пытаюсь разобраться в ситуации.

– Разобраться? Тебе до сих пор что-то не ясно?

Мой сосед с досадой поморщился и отвернулся, тем самым оборвав разговор. Это весьма расстроило активиста – спрыгнув со своего места, он вышел на центр помещения, а затем возвысил голос, обращаясь ко всем нам:

– Братья! Там, на границе, гибнут наши сограждане. Там...

– Хватит пропаганды, – послышался чей-то сердитый голос. – Без тебя тошно.

– И хватит считать других идиотами, – добавила одна из девушек. – Мы как-нибудь сами разберемся, что нужно делать.

– Именно.

Не получив ожидаемой поддержки, парень заметно ступсевался, чуть-чуть покраснел и вернулся на свою койку. Наступило гнетущее молчание.

Так как лично я определился с решением уже давно, то все оставшееся до нового инструктажа время провел в блаженном ничегонеделании, лениво наблюдая за потенциальными сослуживцами, следя за бесконечно повторяющейся хроникой и размышляя о грядущей учебе.

Что должен уметь разведчик? Чем новые дисциплины отличаются от тех, которые преподавали нам раньше? Каким будет первое задание? Когда нас отправят на фронт?

– И отправят ли вообще...

Ответы на большую часть этих вопросов мы получили вечером. Дождавшись, когда в аудиторию зайдет последний из рекрутов, Константин Дюпри снова поднялся на сцену, громко кашлянул и сообщил:

– Предлагаю тем, кто считает себя не готовым к работе в диверсионном подразделении, выйти из зала. Для вас подготовлен транспорт, на котором вы отправитесь в новую часть. Никаких дисциплинарных мер принято не будет.

К моему удивлению, желающие отказаться от предложенной службы все-таки нашлись – три человека молча поднялись со своих мест и двинулись к выходу.

– Труссы, – достаточно громко произнес воспрянувший духом активист. – Если...

– Рядовой Дворжек, вы отчислены из программы, – тут же оборвал его выступление Дюпри. – Покиньте зал.

– Но...

– Немедленно.

Растерявшийся от неожиданного унижения парень сжал губы, но затем отрывисто кивнул, гордо поднял голову и вышел за дверь.

– Диверсант должен отвечать за каждое свое действие, – как ни в чем не бывало продолжил Дюпри. – Диверсант обязан контролировать свои мысли и чувства. Это ясно?

Раздалось несколько одобрительных возгласов, но большинство собравшихся предпочли ограничиться молчаливы-

ми кивками. На всякий случай.

– Я рад, что вы это понимаете. Идите за мной.

На улице шел дождь – вполне обычное для наших краев явление. Крупные капли громко барабанили по пластиковым навесам, собирались в лужи, наполняли воздух приятной прохладой...

– Сюда.

Двигаясь вслед за своим временным командиром, мы прошли мимо нескольких зданий, после чего остановились на самом краю части.

Перед нами была окутанная дождливым сумраком равнина – серая, каменистая и неприветливая.

– У вас есть десять часов для того, чтобы пройти двадцать пять километров, – тонко улыбнулся Дюпри. – Вам следует избегать учебных мин, оставаться вне поля зрения наблюдателей и условных снайперов, а также помнить о заданном сроке. Мы хотим знать, на что вы способны. Действуйте.

Несколько человек сразу же бросились вперед. Двое решительно направились в стороны, явно желая обойти главное место действия по дуге. Большинство остались на месте.

– Повторяю, у вас есть десять часов. Используйте это время с умом.

Дюпри ушел. Еще пять или шесть человек отправились вслед за своими более нетерпеливыми товарищами. Я же вспомнил о висевших в казарме дождевиках, хмыкнул и шагнул в противоположном направлении.

Запомнившаяся мне по утреннему собранию девушка увидела это движение, удивленно вскинула брови, а затем спросила:

– Ты куда? Сдался?

– Хочу взять плащ. У нас еще десять часов.

– О...

– Вот дерьмо. Люди, он прав!

Я действительно оказался прав – непромокаемые куртки были на месте, запрещать нам переодеваться никто не стал, так что уже через десять минут поставленная Дюпри задача начала казаться мне весьма простой и даже рутинной.

Обычный ночной кросс по пересеченной местности. Ничего особенного.

Если не считать мин и снайперов.

– Ну, попробуем, – шепнул я себе под нос, выходя под струи быстро усиливающегося дождя. – Попробуем...

Глава 5

– Основные принципы тактического взаимодействия между различного рода соединениями можно сформулировать в нескольких тезисах. Для начала вспомним о том, как...

Голос читавшего лекцию майора навевал откровенную скуку. Ничего нового я пока что не узнал, бессмысленность всего происходящего вызвала раздражение, память услужливо подсовывала воспоминания о недавних рейдах через Полосу...

– Сержант Фишер!

– Да, господин майор?

– Вы считаете, что лучше меня знаете предмет?

– Никак нет, господин майор.

– В таком случае рекомендую проявить больше внимательности. Иначе вы никогда не станете офицером.

– Так точно, господин майор.

Я поймал удивленный взгляд сидевшего рядом парня и едва заметно вздохнул. Объяснить окружающим свою нелюбовь к карьерной лестнице было достаточно сложно – стать кадровым офицером мечтали многие, но пройти начальный отбор удавалось единицам и каждый такой счастливчик из всех сил цеплялся за предоставившуюся ему возможность. На этом фоне мое поведение выглядело довольно-та-

ки странным.

– Офицер должен четко понимать все нюансы...

Утомительная лекция наконец-то закончилась. Я одним из первых покинул аудиторию, но неосмотрительно задержался около висевшего в коридоре дисплея и еще раз попался на глаза преподавателю.

– Сержант Фишер, на пару слов.

– Так точно, господин майор!

Вопреки ожиданиям, офицер не стал устраивать разнос ленивому слушателю, а попытался докопаться до причин моей невнимательности. Правда сделал это в своей обычной манере – достаточно агрессивно и бескомпромиссно.

– Вы считаете, что служба в разведке дает вам привилегии?

– Простите?

– Вы пришли сюда, чтобы стать офицером. Я прав?

– Так точно, господин майор.

– Вы поступили к нам только благодаря протекции полковника Питерса. Считаете, что учеба будет проходить по такому же принципу? Считаете, что вам присвоят звание автоматически?

– Никак нет, господин майор!

– Тогда в чем дело?

Говорить правду было нельзя, поэтому мне пришлось выдать уклончивый и максимально нейтральный в данной ситуации ответ:

– Господин майор, я приложу все силы для того, чтобы достойно закончить обучение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.